

БОГ, КОТОРОГО ЛЮБЛЮ

Михаил Горовой

Михаил Горовой
Бог, которого люблю

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Горовой М. В.

Бог, которого люблю / М. В. Горовой — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Наверное, каждый из живущих хотя бы однажды задумывался: «Каким я представляю себе Бога? Сделал ли Он что-либо в моей жизни? Люблю ли я Его? Чем могу подтвердить свои ответы?» Автор книги пробует ответить на эти вопросы. На обложке фрагмент картины Рембрандта "Возвращение блудного сына".

Содержание

Часть первая	5
Пролог	6
Когда кончается детство	8
Восхождение вниз	16
Твое место здесь или – под звездой, которой не было	39
Теперь-то знаю, что главное	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Часть первая

*В Твоей книге записаны все дни для меня назначенные, когда ни одного из них ещё не был.
Псалом 138:16*

Пролог

«Ещё многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придёт Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину; ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам».

Иоанн. 16: 12,13.

Родители рассказывали, что, едва родившись, я тяжело заболел, мой организм не принимал никакой пищи. Как только мать начинала кормить меня грудью, появлялась сильнейшая рвота. Все средства, предлагаемые врачами, не помогали. Я настолько ослабел, что посинели руки и ноги. Отец даже раздобыл где-то гробик, который и стоял у моей кровати. Я был третьим ребёнком в семье. Моей старшей сестре Рите к тому времени исполнилось десять лет, а вторая моя сестрёнка умерла от воспаления лёгких, когда ей было всего два месяца от роду, случилось это во время войны в 1943 году. Я и не должен был родиться. Смерть второй дочери так подействовала на родителей, что они решили не иметь больше детей.

После войны, как напасть, на глазу моей матери стало расти бельмо. Врачи ничего не могли поделать, говорили, что она может ослепнуть.

И вот одна пожилая женщина посоветовала ей: «Роди ребёнка, и у тебя всё пройдёт. Маленький спасёт тебя».

Мама впустила её слова в сердце. И, действительно, как только я родился – бельмо исчезло.

Казалось бы, всё произошло так, как предсказала женщина. Сказав «маленький», она даже предвидела, что родится мальчик. Но почему же она не предупредила о болезни? Мама была в отчаянии. К тому же, в это время приехала одна наша родственница. Увидев меня, она сказала: «Он не жилец».

С этого дня меня перестали выносить из дома, боялись кому-либо показывать. Я настолько ослабел, что даже не плакал.

В эти дни к нам зашёл один из друзей моего отца. Он захотел взглянуть на меня, вошёл в комнату, где я лежал, взял на руки и, подняв, сказал: «Да вы что? Смотрите, какой длинный парень! Он будет жить!»

Мама удержала его слова в сердце. Наверное, на следующий же день они и побудили её пойти погулять со мной на скверик, который находился недалеко от нашего дома. На скверике разговорилась со старушкой, и та посоветовала ей давать мне рисовый отвар, сказав при этом: «Даст Бог, выживет».

Мама всё сделала по её слову. Мало по малу, я стал принимать пищу и выздоровел. В семье все считали, что я живу благодаря рисовому отвару.

Родители никогда не говорили о Боге, будто Его не существовало. Может быть поэтому, когда мама много раз рассказывала о моей болезни и выздоровлении, мне ни разу не пришлось на ум задать себе вопросы: а что если Бог есть, и Он содействовал моему выздоровлению, хотел нам этим что-то показать, что-то открыть?

Сейчас я знаю: Господь предвидел, что пройдут десятилетия, прежде чем нас коснётся Дух истины, и мы зададим себе эти вопросы. Поэтому Он и запечатлел в наших сердцах все случившееся как притчу, в которой есть тайна, требующая отгадки, и поэтому её невозможно забыть: смертельная болезнь, крошечный сквер, на нём памятник Сталину, указывающий путь в будущее, неприметная старушка, откуда-то появившаяся в самый нужный момент... И над всем этим две невидимые силы, противоборствующие друг другу. И оружие их – Слово. И слово, впущенное в сердце – грань между жизнью и смертью.

Впервые услышал эту историю лет в пять, когда начал что-то понимать. По благодати Божьей понял, что хотел нам сказать Господь лишь через десятилетия. В этой истории – обещание Господа Его присутствия в нашей дальнейшей жизни, в ней залог, что в Своё время Он откроется нам, призовет к Себе, изменит наши помыслы.

Последующее повествование и есть рассказ о том, как Он это сделал. Как Он, дав нам полную свободу выбора, в то же время, оставаясь верным Своему обещанию, всё содействовал к тому, чтобы мы, как драгоценное сокровище нашли Его присутствие в нашей жизни. Нашли и изумились ему, как прекрасному солнечному дню после долгих, долгих лет жизни в ночи.

Когда кончается детство

«Все́му свой срок и своё время под небесами».

Екклесиаст. 3:1.

Воспоминания о далеком прошлом. С чем сравнить их? Пожалуй, с видениями, которые возникают посреди огромного озера. Над водой поднимается туман, сквозь него пробиваются лучи восходящего солнца. Берег и островки на озере то появляются, то исчезают. И невозможно определить, что находится ближе, что дальше, что увидел раньше, что потом.

Детство... Стоит только подумать о нем, закрыть глаза, – вижу наш домик, сад с беседкой, ветвистый тополь. Во дворе за домом отец что-то мастерит на верстаке. Слышу голос матери. Она зовет меня домой. Это значит, футбольный матч с соседскими мальчишками окончен.

Детство... Нежные и ласковые руки мамы. Они сажают меня на колени, обнимают, глядят, снимая всякую боль. Перед сном, в темной комнате, чувствую себя беззащитным трусишкой. Почему-то приходит мысль, что мама уже старенькая, скоро может умереть. В страхе зову ее, беру за руку и, не отпуская, засыпаю.

Что еще запомнилось маленькому человечку? Огромные, выше его роста колеса громадного грузовика. На нем работал отец. Помню чердак, захламленный сарай, в нём отцовские инструменты.

Запомнился день, когда умерла бабушка. Дом был полон слез и печали...

Неизвестно откуда и почему, но уже в ранние детские годы у меня появилась мечта найти настоящего друга – доброго и справедливого, который рассказывал бы о том, чего не знаю.

Рязанчик – первый друг детства. Он жил в доме через улицу, был постарше и крепче меня. Иногда, ни с того ни с сего, не сказав ни слова, пускался бежать. Я почему-то не хотел лишаться его общества, мчался за ним, но догнать не мог, останавливался и от обиды плакал.

Не могу припомнить, чтобы у меня были какие-то игрушки, кроме футбольного мяча еще с надувной камерой и коньков, которые прикручивались к валенкам.

Сколько лет прошло, а как сейчас вижу, отца Рязанчика, его дядьёв. Они стоят вокруг полянки и смотрят как мы, один на один, сражаемся в футбол, изо всех сил норовим забить гол друг другу. Несмотря на малый возраст, мы уже пытаемся применять какие-то приёмы, играем азартно. Меня подогревает присутствие зрителей, а Рязанчика – ещё и желание во что бы то ни стало избежать отеческого щелчка, который иногда получал, если проигрывал.

Мне еще нет шести лет. По желанию родителей учусь играть на аккордеоне. Быстро запоминаю расположение нот между линейками. Через полгода играю уже двумя руками с десятков популярных в то время мелодий. Настоящего влечения к музыке у меня не было, душа к ней никогда не лежала. Зимой душа моя была на катке, который мы с Рязанчиком заливали, таская воду из ближайшей водопроводной колонки, а летом летала рядом с мячом, который мы гоняли до одури.

А вот еще эпизод из далекого далека. Мне чуть больше шести лет, старшая сестра моего приятеля по детству Милка – а ей уже около девяти лет – обучает нас в сарае запретным забавам. Очень скоро родители заподозрили неладное. Мама устраивает мне мягкий допрос. Я долго не сознаюсь: стыдно. В конце концов, выдавливаю признание. Милка тут же исчезает из моей жизни. Мы даже стараемся избегать друг друга.

До поры до времени живет маленький человечек, ни о чем не задумываясь. Период такого счастливого неведения, наверно, и есть детство. Когда же оно кончается?

Нет, для меня детство, может быть, и не кончилось после того случая. Оно оставалось таким же беззаботным, да только в подсознании появилась бесконтрольная кнопка. Порой она нажималась сама собой, и я погружался в порочные мечты. Когда взрослые в моем присут-

ствии касались в разговоре той самой, запретной для детей темы, чувствовал, как предательски краснею.

Начало весны 1953 года. Старенький дребезжащий репродуктор-тарелка объявил о смерти Сталина. Сестра – а ей к тому времени было 16 лет – поехала на его похороны, вернулась без обуви: потеряла в давке. У меня же смерть Сталина не только не вызвала каких-либо чувств, но даже не пробудила детского любопытства. В школу еще не ходил, а дома о нём почему-то не говорили.

Вот о евреях, на которых в те годы развернулось ужасное гонение, говорили много.

Жили мы в Лосиноостровском – городке в нескольких километрах от Москвы. До войны он занимал одно и первых мест в Подмосковье по плотности проживания евреев. Почему-то я очень боялся оказаться этим самым евреем. Даже несколько раз пытал родителей: «А мы не евреи?»

Помню даже такой случай. Как-то раз спросил отца:

– Пап, а когда мы купим телевизор?

– Телевизоры покупают только евреи, – ответил отец.

Я понял это так, что у евреев много денег.

Вскоре после этого разговора к нам зашёл приятель отца. Я точно знал, что он был евреем. И когда они при мне разговаривали, отец сказал: «Скоро мы тоже купим телевизор».

Я стоял рядом с отцом, тут же потянул его за рукав и спросил: «А мы, что – тоже евреи?»

Нет, мои родители не были евреями, для них нашли другие ярлыки – «бывшие» и «лишенцы».

Мой дедушка со стороны мамы, Мартын Кондратьевич, до 17 года служил в жандармерии. За это его и всю семью лишили гражданских прав. Его жена, моя бабушка была литовка. Чтобы как-то прокормить троих детишек, среди которых была и мама, бабушка ходила по вагонам пригородных поездов, меняла всякие вещи на еду или попросту просила милостыню. Мама с девяти лет уже работала – стегала одеяла.

Моя бабушка со стороны отца – немка, жила в Германии. В начале века приехала навещать родственников в Польшу, которая входила тогда в состав России. Там познакомилась с русским офицером, который влюбился в нее до безумия и, несмотря на протесты родни возлюбленной, увез в Россию, где и женился на ней. Звали его Михаил Николаевич Горовой. Это мой дедушка. Меня называли в память о нём. Он был из дворян. Его отец, мой прадед, был даже предводителем дворянского собрания какого-то уезда на Украине.

Дедушка и его семья избежали участи других таких же «бывших», не стали «лишенцами» только потому, что он сразу же добровольно принял сторону советской власти. Передал ей наследственное имение, все недвижимое имущество, которым владел, сдал все драгоценности. За это власть разрешила ему работать по специальности – инженером на пороховом заводе. А еще через какое-то время, в награду за хорошую работу, учитывая, что он сдал государству имение, ему дали жильё под Москвой – маленький домик. До революции это была конюшня. В этом домике дедушка и умер в 1939 году.

Бабушка собиралась уехать к братьям в Америку, уже подготовила все документы для выезда, да Вторая мировая война перечеркнула все её намерения. Америка так и осталась страной ее мечты...

В тридцатые годы по всей стране искали «врагов народа», прежде всего, среди «бывших». Мой отец, поступил было в какой-то институт, но решил «не высовываться», бросил учебу, пошел в школу шоферов. Там и познакомился с мамой. Звали их Софья и Владислав. Ей было двадцать, ему – двадцать пять.

Отечественная война спутала их планы, мечты. Отец всю войну колесил по фронтовому бездорожью, подвозил к передовой снаряды, вывозил в тыл раненых.

Мама тоже работала шофером, но только в тылу, в подмосковном городке развозила по булочным хлеб, который выдавали тогда строго по карточкам. Машина была допотопной. В народе ее называли «газик» или «полуторка». В годы войны бензина не хватало даже для фронта, и российские умельцы изобрели для грузовиков специальные газогенераторы, похожие на две высокие круглые голландские печки. Они крепились по бокам машины между кабиной и кузовом; топливом служили древесные чурки.

Вот на такой «печке с мотором» мама проработала всю войну. Летом еще работать было терпимо, а вот зимой... Темнеет рано, светает поздно. В целях маскировки фары включать запрещено. Снежные заносы, морозы, метели. Про отопление кабины понятия не имели, «дворников» – стеклоочистителей – просто не существовало. В снегопад, в метель приходилось часто останавливать машину, протирать лобовое стекло рукавицей. В дверцах, вместо стекол – фанера. Чтоб вовремя выехать на линию, мама вставала в четыре часа ночи. Промерзший мотор надо было сначала разогреть, залить в радиатор несколько ведер горячей воды, затем завести вручную металлической рукояткой.

Когда мама бывала в хорошем настроении, она рассказывала мне о полуторке, одновременно показывая, какие движения ей приходилось делать, чтобы управлять этой машиной. Слушая ее, думал: «Я-то уж точно, никогда не буду развозить хлеб по магазинам».

Позже, уже в сознательные годы, наблюдая за мамой, задавал себе вопрос: как же так получилось, что она стала шофером?

По виду – а она была почти седой к тому времени – можно было предположить, что она врач или учительница. Наш домик стоял на улице, ведущей к рынку, и не проходило дня, чтобы кто-нибудь из ее знакомых не заходил передохнуть или попросту излить душу. Каждого она терпеливо выслушивала, для каждого находила нужные ему слова.

Есть люди, глядя на которых, сразу понимаешь: они знают, что такое лишения, несправедливость, боль. Но зло на обидчиков не хранят в душе, и поэтому их доброта особенная. Она – их сущность.

Такой была моя мама.

Как и у всех в стране, послевоенная жизнь моих родителей оказалась тяжелой. Зимой 1947 родился я. Из рассказов родителей знаю, что в тот год в России свирепствовал страшный голод. Они его пережили. Наверное, потому что верили в лучшее будущее. Однажды отец подсмотрел место, где разгружали муку. Ночью они с мамой ходили подбирать то, что случайно просыпалось. Из этой мучной пыли, смешанной с землей, стряпали лепешки, называли их «тошнотики». Родители рассказывали, что как раз в это время я заболел очень тяжело, они думали, не выживу.

Вернувшись с фронта, отец уволился с почтамта, где работал шофером до войны и поступил на другую автобазу, где зарабатывал больше. Ведомственное жилье – две комнатки барачного типа – надо было освобождать.

Отец с мамой решили переехать к бабушке. Здесь-то и начались их злключения.

Годом раньше бабушкина подруга попросила приютить её сына с семьей. Член партии, он получил какой-то пост в Москве, и ему временно требовалось жилье. Теперь же, когда Кругляков (так звали постояльца) узнал, что ему надо освободить комнату для моих родителей, он заявил, что по документам все права на дедушкин дом принадлежит ему.

Скорее всего, Круглякову уже выделили квартиру, и после долгих уговоров он согласился... продать бабушке ее же дом.

Но на такую покупку не было денег. Лишь к концу года, когда подошел срок освободить ведомственное жилье, необходимые деньги родители собрали. В назначенный день они пришли к Круглякову, но тот под разными предлогами денег не взял, попросил зайти в конце недели. А на следующий день правительство объявило денежную реформу. Собранные с таким трудом деньги превратились в пустые бумажки.

Родители не имели иного выхода, как вновь собирать деньги. Они продали все, что можно было, залезли в долги, но половину того, что требовал Кругляков, теперь уже в новых деньгах – отдали.

1948 год наша семья встречала уже в собственном доме – в том самом, который подарила дедушке советская власть. Полы в домике были настланы прямо на землю, а притолоки настолько низкие, что взрослым приходилось пригибаться.

– Пусть меня расстреляют, но отсюда никуда уже не уйду, – сказала тогда мама и разрыдалась.

Чтобы избавиться от долга, она поступила на тяжелую работу – развозить продукты по магазинам. Однажды несла мешок сахару, поскользнулась и упала в подвал, повредила позвоночник. Больше полугода пролежала в больнице.

Новую работу нашла полегче: два-три раза в неделю подвозила фильмы в городской кинотеатр. В свободное время возилась в саду, собирала неплохие урожаи помидоров, яблок, продавала на рынке. В семье появился относительный достаток.

И отцу повезло. На автобазу, где он работал, пришли огромные грузовые машины – американские МАКи. Отец был не только опытный шофер, но и хороший автомеханик, поэтому одну из трёх машин доверили ему. Зарплата сразу увеличилась вдвое. Отец даже купил автомашину «Москвич», и мы всей семьёй съездили на ней в Крым.

Однако долго удержаться на выгодной работе отцу не удалось. У шоферов автобазы возник какой-то конфликт с начальством. Они попросили отца, как ветерана войны, самого грамотного среди них и авторитетного, выступить на общем собрании и открыто сказать о несправедливости. Отец выступил, но никто из тех, кто просили об этом, его не поддержали. Его уволили.

Из праздников, которые отмечали в нашем доме, больше всего запомнились Новый год и Пасха. Хорошо помню мой первый Новый год. Я долго ждал Деда Мороза, который должен был принести мне подарок, и, не дождавшись, уснул. Утром под ёлкой увидел коньки, о которых мечтал. Мама объяснила, что это Дед Мороз принёс коньки, но она не стала будить меня.

На Пасху мама всегда готовила очень вкусную рыбу в маринаде и разноцветные яички. Все в нашей семье чокались пасхальными яичками и говорили: «Христос воскрес! Воистину воскрес!».

Для меня эти слова ничего не значили, звучали как зарифмованная присказка. Никто никогда не объяснял, кто такой Христос, что значит – «воскрес», сам же никого не спрашивал об этом ни дома, ни в школе.

Не припоминаю, чтобы отец интересовался моими взглядами на жизнь или спрашивал, как мне живется, о чем думаю, о чем мечтаю. Никогда при мне не распространялся о смысле жизни, что в ней плохо, что хорошо. И уж никогда ничего не говорил о советской власти, о своем отношении к ней, о её политике. Не критиковал и не хвалил.

Но зато я слышал много раз, как в разговоре с приятелями, с мамой, отец говорил: «А вот в Америке...» Смысл дальнейшего сводился к тому, что там все хорошо, во всяком случае, лучше, нежели у нас. Не знаю, что способствовало появлению у него таких взглядов, то ли отличный американский грузовик, на котором он работал, то ли письма, которые до войны получала бабушка из Америки от своих братьев. Но именно слова отца – «А вот в Америке» – посеяли в моем еще детском сознании мечту об этой стране, о другой жизни. Эта мечта исподволь влияла на мое мировосприятие. Невольно смотрел на жизнь, на все, что меня окружало, что делал сам – как бы под другим углом зрения...

Первые школьные годы пролетели быстро и беззаботно. Ребенок я был послушный, учился старательно. Учителя говорили родителям, что я очень способный мальчик. И действительно, учеба давалась мне легко и в общеобразовательной школе, и в музыкальной, где я учился игре на баяне.

Во многих учебных группах мне пришлось заниматься впоследствии, но, удивительно, – имена, лица однокурсников по институту стерлись, растворились в памяти. А вот ребят, с которыми пошел в первый класс, помню почти всех до одного. По именам, по фамилиям. Они навсегда остались для меня мальчишками и девчонками.

Ну как забыть Леньку и Гуся? Они жили в ближайших переулках. Мы часто мерялись силами. Однажды, после моего хвастливого утверждения, что смогу один справиться с ними обоими, они повалили меня и натерли снегом лицо...

Не забыть и Наташу – мою первую любовь. Никогда не заговаривал с ней на переменах, но каждый день после уроков провожал домой, плелся следом метров за сто. Она прекрасно училась, лишь по истории имела четверку. Часто учительница, после ее ответа у доски, спрашивала: «Кто может дополнить?» Сидя за последней партой и держа перед глазами раскрытый учебник, я был в постоянной готовности, поспешно поднимал руку и всякий раз дополнял Наташку, за что получал пятерку.

В первых четырех классах считался отличником, учителя ставили меня в пример, и я невольно сознавал себя лидером класса...

Детство для меня закончилось неожиданно, в один день. Придя первого сентября в школу, я сразу же узнал, что в нашем классе, теперь уже пятом, появились шесть второгодников. Они были крепче, выше меня ростом и почти все враждебно настроены.

Был у них и свой лидер – Женька. Ниже всех ростом, но именно он определял, что правильно и что неправильно.

После второй или третьей перемены он, определив во мне что-то ему не нравящееся, предложил «стыкнуться» один на один после уроков на школьном дворе.

Возможно, Женька был под впечатлением произведений Пушкина и Лермонтова, которые уже читал в пятом классе, и где описывались многочисленные поединки, и для него стыкнуться один на один было игрой в дуэль. Впоследствии не раз слышал от него слова «честь», «как дворянин».

Прежде доводилось участвовать в мальчишеских потасовках, и не однажды. Обычно проигрывал тот, кто оказывался внизу, на лопатках. Но в этот раз Женька вызвал меня на поединок, да ещё при всем классе, и это слышала Наташа, к которой был неравнодушен.

До этого никогда, никого не бил кулаком в лицо. Мой кулак просто не мог сжаться для удара, мозг категорически отказывался подать эту команду. Однако отказаться стыкнуться, не пойти драться не мог. Класс мог подумать, что я трус, боюсь, пожалуюсь учительнице, либо родителям. И я принял вызов.

Кончилось все довольно быстро. Мне удалось навязать Женьке приёмы обычной мальчишечьей борьбы. Мы сцепились, и он не мог пустить в ход свои кулаки.

Но, изловчившись, всё-таки ударил меня ногой в живот. Я упал, корчась на земле от боли, как рыба широко открытым ртом, пытался глотать воздух. Только потом я узнал, что этот приём называется удар под дых.

Не помню, как пришел домой, что делал в тот день, помню только тоску и страх, что завтра все может повториться.

После той «дуэли» ужасно боялся и ненавидел Женьку. Проходя мимо его дома, всякий раз думал: «Вот если бы его квартира взорвалась вместе с ним. А еще лучше – если бы он вообще исчез из моей жизни».

Дома тщательно скрывал от родителей свои школьные проблемы. Если бы мама появилась в школе, весь класс сразу понял, что я пожаловался. Для меня это был бы позор.

Наверное, как раз в это время, часто повторяемые матерью слова, что надо хорошо себя вести и учиться, быть хорошим мальчиком, стали казаться мне оторванными от реальности, вызывали раздражение.

Каждый день, идя в школу, я считал, что у меня есть дела поважнее, напряжённо решал задачу, как избавиться от страха и унижения.

Я по-прежнему продолжал учиться в музыкальной школе. Душа моя, как говорят музыканты, никогда не пела, и из всех, необходимых для занятий музыкой способностей, я обладал лишь одной: пальцы необыкновенно быстро передвигались по клавишам. Тем ни менее, меня считали лучшим учеником, и непременно включали в ежегодные концерты, которые проходили весной в малом зале Театра Советской Армии.

В тот трудный год, когда я учился в пятом классе, после отчетного концерта нас развозили по домам родители, имевшие машины. Мне, оказалось, по пути с одной девочкой, и нас высадили вместе. Она была еврейкой, и старше года на два или даже на три.

Я знал, что родителей нет дома, и мне вздумалось пригласить ее поиграть в настольный теннис. Для этого мы использовали большой обеденный стол, который еще и раздвигался.

Совсем не помню, как мы играли и даже ее имени не помню, но навсегда запомнил, о чем говорили. Она заметила мое подавленное состояние и спросила, что со мной. Конечно, я не стал подробно рассказывать о своих невзгодах, сказал только, что в моей жизни наступила мрачная полоса, и длится она уже почти полгода.

– Знаешь, – сказала она, – всему свое время в жизни: время печали и время радости, и ты еще много раз убедишься, что не от нас это зависит.

Это было для меня откровением. До сих пор дома и в школе все внушали как раз обратное: мол, моя жизнь, моя судьба зависят только от меня. Я верил, что оно так и есть. Если, например, подготовлюсь к уроку, получу хорошую оценку, а если нет – двойку.

С той девочкой я никогда больше не виделся, но слова ее подействовали на меня, как если бы кто-то внезапно открыл форточку в душной комнате, и я ощутил дуновение свежего воздуха.

Учиться в компании с ребятами, влившимися в наш класс, стало необыкновенно легко. У доски они часто молчали, и потому учителя закрывали глаза на то, как я медленно шел к их столу с учебником в руках, по пути готовясь к ответу. Ставили четверку, наверное, в пример новичкам, чтобы и они хоть что-то говорили.

Моя энергия на уроке уходила на то, чтобы всем подсказывать, помогать списывать контрольные и придумывать различные оправдания за тех, кто не приготовил домашнего задания.

Среди учителей укоренилось мнение, что я очень способный, они открыто говорили об этом родителям.

Поводом для такого мнения стал один эпизод на уроке литературы.

Я сидел на задней парте, читал какой-то приключенческий роман, изредка поглядывая на учительницу. Заметил, что она наблюдает за мной, значит, в конце урока обязательно вызовет к доске и станет задавать вопросы по новому материалу. С этого момента я лишь делал вид, что увлечённо читаю, даже изображал на лице эмоции. На самом же деле внимательно вникал в то, что говорила Галина (так звали мы её про себя). Конечно, когда она вызвала меня, ей показалось невероятным, что я подробно изложил суть того, что она рассказывала.

С Женькой мы дрались еще несколько раз. Иногда ему от меня здорово доставалось, но все равно, на следующий день он объявлял всем, что накануне поколотил меня, и если кто-то сомневается, может сегодня повторить.

Он стал первым человеком в моей жизни, которого я изо всей силы ударил кулаком в лицо. Однако со временем эти стычки сделали нас друзьями не разлей вода. Может быть, еще и потому, что оба были фанатиками футбола. Во всей округе никто не мог одолеть нас, когда играли втроем: Рязанчик, Женька и я.

Уже в шестом классе я выполнил поставленную перед собой задачу – найти свое место среди новичков – стать вторым после Женьки...

Полтора года – какой короткий отрезок времени в жизни мальчишки, но именно эти полтора года переменяли меня. Во мне развилась жестокость. Теперь я уже мог ударить первым. И ни за что, ни про что, а просто так, чтобы другие боялись.

И когда ребята из нашего класса, сняв школьные ремни, набрасывались на кого-нибудь из десятиклассников и били их пряжками, я делал то же самое.

Постепенно учеба в школе превратилась в сплошное веселье, о чем свидетельствовали двойки за дисциплину в моем дневнике. Учителя выводили их жирно, с особым нажимом.

После уроков, дома, наступала расплата за веселье. Просматривая дневник, испещренный записями о безобразном поведении, мать приходила в такое уныние, что не разговаривала со мной по нескольку дней. Однажды не выдержав ее молчания, я пообещал постричься наголо, если ее еще раз вызовут в школу. Не прошло и недели, как мне пришлось выполнить свое обещание.

Наверное, после посещения родительских собраний и ежедневных чтений записей в дневнике, мать с отцом пришли к выводу, что их нервы не выдержат такой ноши, как мое дальнейшее пребывание в школе.

После окончания седьмого класса, на семейном совете было решено, что я буду поступать в музыкальное училище.

Два месяца перед экзаменами к нам домой ежедневно приезжал частный педагог и занимался со мной по полтора часа. Несколько раз меня возили на прослушивание к одному из членов приёмной комиссии.

В результате такой интенсивной и далеко не дешёвой подготовки прошел конкурс (пятнадцать человек на место), и с первого сентября уже числился студентом одного из самых престижных музыкальных учебных заведений страны – Училища имени Гнесиных.

Из подмосковной Лосинки я попал совершенно в другой мир, не просто в центр Москвы, в её элитный район, на улицу Воровского. Старинные посольские особняки с флагами иностранных государств, с милиционерами у входа. На этой же улице Дом кино, Дом писателей в бывшем особняке князей Волконских, прямо напротив училища – Верховный суд страны.

После занятий, возвращаясь домой, проходил мимо ресторана «Прага». Иногда слышал раздававшийся на всю улицу голос из динамика: «Машина посла Великобритании... машина военного атташе Канады, машина посла Соединённых Штатов Америки... – к подъезду». Из дверей ресторана выходил человек в раззолоченной ливрее и открывал дверцы машины. В прилегающих к «Праге» арбатских переулках пестрели иностранные флажки на иномарках с дипломатическими номерами. Это был кусочек иного мира, может быть того, о котором с восхищением говорил мой отец – «А вот в Америке...»

В эти минуты где-то в глубине сознания начинал мерцать маячок, манящий к неведомому берегу и укреплялась надежда, что когда-нибудь и я окажусь в этом мире.

Занятия в училище начинались утром, а домой возвращался лишь под вечер. Не было больше ненавистного дневника и унижительных записей в нем. И самое главное – довольно быстро выяснилось, что общеобразовательные предметы, которые мы изучали в школе, здесь можно и не посещать, зачеты по ним ставились почти автоматически.

По сравнению со школой, это была свобода. Я ходил на концерты классической музыки, часами играл в шахматы в библиотеке училища, запоем читал книги, проглатывая в день по 100-200 страниц. Как-то, прочитав «Мартин Иден» Джека Лондона, даже возмечтал: «Вот было бы здорово, если бы и я когда-нибудь смог что-то написать».

Наша дружба с Женькой не прекратилась. Напротив, мы сблизились еще больше. После седьмого класса он тоже ушел из школы и поступил в художественное училище.

Я считал его самым отчаянным мальчишкой, которого когда-либо видел в жизни, и ни на мгновение не сомневался, что он прыгнет с Крымского моста просто так, на спор.

... Однажды мы оказались в деревне, недалеко от Москвы, у него там жили какие-то родственники.

– Под утро пойдем на колхозное поле и наберем по корзине клубники, – объявил он.

Около часа после восхода солнца мы собирали клубнику. Видно, колхозному сторожу этого и надо было. Когда корзинки были почти полными, он неожиданно подошел к нам сзади и без угроз потребовал отдать клубнику.

Он был здоров, как медведь. Конечно, ему и в голову не могло прийти, что, когда он нагнется за корзинкой, мальчишка весом в сорок килограммов изо всей силы ударит его кулаком в нос, и не побежит стремглав наутек, а будет с любопытством смотреть, лишь отступив на шаг.

Обезумев от ярости, сторож сделал неимоверно быстрый выпад правой рукой и схватился, как клешней, за Женькины брюки. Не берусь предполагать, что произошло бы, зацепись «клешня» за ремень, а не за тонкую ткань, клоч которой и остался сторожу на память о маленьком воришке.

Вроде бы бессознательно, но я подражал Женьке. Он чистил ботинки до блеска и гладил брюки каждый день, и я делал то же. Он подходил на улице к девчонкам, легко знакомился, и я подумал: «Надо и мне так научиться». Просто для тренировки, чтобы побороть стеснение. Он несколько раз вызывал скорую помощь, жалуясь на сердечные приступы. Затем ходил в поликлинику, чтоб завести историю болезни и тем самым избежать призыва в армию. После падения на катке, получив сотрясение мозга, я тоже стал ходить к врачу два раза в месяц и жаловаться на головные боли. Однажды увидел, как он играл в карты на деньги, и я научился.

Очень быстро из заносчивых забияк мы превратились в вежливых, опрятно одетых мальчиков. Разговаривая с взрослыми, постоянно вставляли: «Пожалуйста», «Извините», «Будьте любезны».

Женька (его теперь звали Женька-художник) был хоть и небольшого роста, но красавчик. Часто я слышал, как взрослые говорили о нём, какой хороший, воспитанный мальчик...

Первую бутылку водки я выпил с ним. На его деньги. «Закусили» водой из уличной водопроводной колонки. Мозги тут же «сошли с рельсов». Сознание оторвалось от реальности и на мгновение показало мне мир совсем в другом свете. Все, что угнетало в жизни, – исчезло из головы. Дурманные ощущения, легкость в теле, сила и уверенность в себе – в считанные минуты каплей яда вошли в мое существо.

Мы сели на лавочку и тут же уснули. Проснулся с чувством гнетущей тяжести во всем теле, гудела голова, поташнивало. Словом, самочувствие было мерзкое. Однако вывод сделал почему-то не тот, который напрашивался, будто кто-то продиктовал его мне: «Все пьют, и я буду. Но я должен научиться так пить, чтобы держать себя в руках, не терять контроля над собой, сохранять здравый рассудок».

В те дни и в голову не приходило, сколь долго и дорого придётся платить за эту учёбу.

Восхождение вниз

«Так говорит Господь: проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорой, и которого сердце удаляется от Господа. Он будет – как вереск в пустыне, и не увидит, когда придёт доброе, и поселится в местах знойных в степи, на земле бесплодной, необитаемой».

Иеремия. 17: 5, 6

Было лето, каникулы. Отец устроил меня и Женьку в овощную палатку грузчиками, чтоб мы сами зарабатывали на собственные нужды. Мы грузили всего два дня, а на третий день Женька объявил мне:

– Ты как хочешь, но эта работа не по мне.

Это значило, что, если продолжу работать, на всё лето мы будем сами по себе. И я согласился.

Однако идея моего отца – иметь свои деньги – нам с Женькой нравилась. Да где их взять? Стоило только появиться этому вопросу, тут же, как по волшебству, появился и ответ.

Мой следующий проводник по жизни – Валентин. Он и подарил нам вполне безопасную идею, где и как доставать деньги. Их предстояло отбирать у тех, кто нарушал закон, и потому, как объяснял Валентин, шум они поднимать не станут. Около двадцати лет, богатырского телосложения, он говорил медленно, солидно, и в то же время ироническая полуулыбка никогда не сходила с его лица. Производил впечатление бывалого парня, знающего множество способов добывания денег. Слушая его, я тут же решил про себя: «Во что бы то ни стало сдружусь с Валентином. Он научит тому, чего мне больше всего не достаёт, что решит все мои проблемы».

Не помню, как первый раз пошли «на дело» и человека, у которого отобрали деньги. Помню только щекочущее ощущение риска и эйфорию после того, как все получилось удачно, и мы поровну делили деньги, а потом пили водку.

Иногда за час-полтора «работы» в наши карманы попадала полумесячная зарплата рабочего. Деньги приходили почти каждый день. Конечно, мы не могли купить на них какую-то крупную вещь, да нам и в голову это не приходило, но на спиртное всем хватало с избытком!

Ощущения от лёгких денег, как и ощущения от первого стакана водки, дополнив друг друга, произвели результат как в химической реакции. Я попал в круг, вращающийся с огромной быстротой. Стоило только появиться шальным деньгам, как мы их за день или два пропивали, и по законам вращения это значило, что все необходимо повторить сначала.

Быстро пролетело лето.

У Высоцкого в одной из песен есть слова, о том, как он «прогрыз дыру» в Центральных банях и познакомился с девушкой.

Наших девчонок я увидел впервые, может быть, в еще более неожиданном месте, чем баня.

На первом этаже дома, в котором жил Валентин, находилось отделение милиции, а под ним заброшенный подвал. На улице стоял холодный ноябрь, притулиться было негде, вот Валентину и пришла идея – не мерзнуть, а пойти в тот подвал, где, по его словам, стояли большой деревянный стол и хоть потрепанный, но диван, на котором можно сидеть. Мы расставили на столе водку, стаканы, различную еду. И тут неожиданно услышал женские голоса. Девчонки оказались симпатичными, все на год-полтора постарше меня.

Когда мы устроились за столом и готовы были выпить за знакомство, раздался собачий лай. В следующее мгновение в подвал вбежали три милиционера с огромной немецкой овчаркой...

В милиции нас развели по разным комнатам и заставили писать объяснения. Больше часа нас продержали в отделении. Поскольку никто из нас не имел приводов, нас и отпустили, только припугнув, что, если еще раз появимся в подвале, нам несдобровать.

И в двенадцать, и в четырнадцать, и в семнадцать лет, когда приходила мысль, что некоторые ребята имеют подружек, я тут же гнал ее от себя.

Моя детская любовь Наташка, после пятого класса переехала из нашего городка в отдаленный район Москвы, но продолжала занимать мое воображение ещё лет до пятнадцати. Я никогда с ней толком даже не разговаривал, а когда мы стали чуть постарше, два самых смазливых парня в школе оказались к ней равнодушны. Это состояние, в котором находился долгие годы – думать о ней, наблюдать издалека, ревновать – настолько угнетало, что, когда оно ушло, я даже обрадовался.

И, вообще, о чем говорить с девчонками? Мне казалось, оставаться с ними самим собой просто невозможно, надо только притворяться.

Не стану называть по именам девчонок, с которыми впервые попал в милицию, тем более что не помню ничего, что отличало бы их друг от друга. Зато хорошо помню, что было в них общего. Они пили наравне с нами и никогда не пьянели, прекрасно поддерживали разговор на любую тему, и я вполне ощущал себя с ними самим собою. После десяти, половины одиннадцатого вечера, они все вместе, как по команде, шли по домам, перед уходом всем своим видом показывая, что провожать не надо.

Получилось так, что между нами возник негласный уговор: никаких интимных отношений, иначе вся компания распадётся.

К семнадцати годам сексуальные вожделения, которые посеяла во мне в детские годы Милка, стали меня преследовать постоянно. То о чем говорили друзья, чего я еще не испытал, несмотря на многочисленные помыслы, буквально пожирало мозг. Случайные знакомства, на которые я рассчитывал, длились, как правило, лишь несколько часов. Исключением, пожалуй, был только один случай, когда с одной и той же девушкой встретился дважды. Мы познакомились на улице. Произошло это недели через две-три, после того как вся наша компания угодила в отделение. Она была старше меня года на два и не красавица. Вероятно, я ей чем-то понравился. Погуляв со мной часа полтора, предложила пойти к ней домой, что мы и сделали, предварительно купив бутылку красного вина. Дома никого не было. Выпили вино, по очереди приняли душ. Когда я вышел из ванной, она уже лежала в постели. Затем произошло то, чего никак не ожидал. Именно в тот самый момент, когда я, так сказать, начал становиться мужчиной, кто-то громко забарабанил в дверь. – Этого не может быть, – вскакивая с постели и надевая халат, испуганно затараторила она. – Неужели братья вернулись? Схватив одежду, без носков, быстро шмыгнул на кухню и в темноте начал лихорадочно одеваться. Братья были огромного роста. Они не пошли в комнату, а сразу же завернули на кухню и зажгли свет. В этот момент я как раз напяливал свитер задом наперед. И тут опять произошло нечто неожиданное: один из них (он был в полушубке) засунул руку за пазуху и вынул как фокусник одну за другой две бутылки «Столичной». «Для знакомства» они буквально заставили меня выпить два стакана водки, после чего затолкали нас с сестрой в дальнюю комнату и закрыли дверь на ключ. Вино, смешанное с водкой, в добавление к тому, что я выпил днем с ребятами и самый настоящий испуг сильно повлияли на мои способности. Больше того, через полчаса мне ужасно захотелось выйти из комнаты: я стал стучать в дверь, но братья, видимо заснули богатырским сном и дверь не открывали. Кое-как из окна по балкону я пролез в смежную комнату, где спали братья. Входная дверь была с английским замком – я легко открыл его и вышел.

Когда лез через окно, она сказала: «Приходи, когда хочешь, ты уже знаешь, где я живу».

По непостижимым законам, которые руководили моим мышлением, я не искал встреч с ней, но однажды случайно увиделись.

...По тротуару к машине, прямо мне навстречу шли жених и невеста в подвенечном платье. Лицо невесты показалось мне знакомым. Когда наши глаза встретились, сомнений не было – это она. Судя по выражению ее лица, тоже узнала меня. Мы поравнялись и разошлись...

Перед Новым годом, после нескольких отсрочек, Валентина забрали в армию. Уходя, он пообещал:

– Вот увидишь, не пройдет и полгода, я комиссуюсь по болезни, вернусь. Вот тогда и займемся крупными делами.

Всю зиму ждал его возвращения, и не проходило дня, чтобы не вспоминал его слов о крупных делах.

С моей точки зрения Валентин сделал невероятное. Он был здоров как бык, однако убедил врачей, что к военной службе не пригоден. Ровно через полгода, как и обещал, он вернулся и сразу же поделился планами. В армии он подружился с одним грузином, отец которого имел винный цех в Грузии.

– Будем продавать их вино в Москве, только надо обязательно купить мотоцикл, на случай, если придется смываться, – запомнил я его слова.

Но мотоцикл мы не купили. Валентин начал праздновать свое возвращение, и не мог остановиться несколько месяцев, напрочь забыв и про мотоцикл, и про торговлю вином. В моей душе образовалась какая-то пустота. Я надеялся на Валентина. Его слова о крупных делах настолько запали в моё сознание, что не проходило дня, может быть даже и часа, чтобы ни вспоминал о них последние полгода. Странная история произошла в те дни... Я вышел из дома. Смеркалось. Шёл дождь. Справа, метрах в пятидесяти от себя, увидел двух чудаков. Они буквально лежали в луже. Время от времени пробовали подняться, даже пытались помочь друг другу, но не могли удержаться на ногах и тут же падали. «Надо же так напиться», – подумал я. Не помню, от кого об этом узнал. То ли сам Валентин рассказал, что накануне с Андрюшкой – его лучшим другом – они здорово перебрали, то ли кто-то ещё видел их, но, сомнений не было – в луже оказался мой наставник, который обещал крупные дела и большие деньги. Тогда мне и в голову не могло прийти: если ты веришь, что самое главное в жизни деньги, они мгновенно превращаются в живое существо, играют с тобой в какую-то непонятную игру, всегда выигрывают. И уже не ты командуешь ими, а они тобой. В нашем общем «бизнесе» все были как бы на вторых ролях, первая же оставалась за мной. Конечно, я и рисковал больше, но взамен мог всем продемонстрировать свою честность, и поровну делил деньги, которые почти всегда попадали в мои руки. Под разными предложениями (тогда я принимал их за чистую монету) Валентин не участвовал в наших «операциях», зато почти всегда с нами был его друг Андрей, с которым он нас познакомил еще до ухода в армию. Итак, я считал себя чрезвычайно порядочным, ни разу не утаил денег, хотя мог запросто это сделать, и никто не уличил бы меня в этом. И вот однажды, когда постоянный риск надоел, денег не было, сам не знаю, как додумался стащить у матери золотой крест с цепью. Я знал, где у нее лежала коробочка с бабушкиным золотом. Продать крест попросил Валентина. Когда он поинтересовался, где я его взял, не стал скрывать, сказал, как есть. Дня через два или три он заявил, так, мол, получилось, что крест потерян. Помню, если и шевельнулось в душе раздражение, то самое легкое. Что ж – потерян, так потерян. Прошло несколько месяцев. Как-то сидели с Андреем в скверике, болтали о том, о сём, и неожиданно он спросил: «А помнишь, ты дал Вальку крестик? Так он его не потерял. Он носит его под рубашкой. Я сам видел». С этого дня стал высматривать свой крестик. Долго ждать не пришлось. Может, оттого, что стояла жара, он не застегнул рубашку. Я подошел почти вплотную, сомнений не было: всегда полупьяный Андрюшка не ошибся – это был тот самый крест.

Валентин перехватил мой взгляд. Естественно, ждал моей реакции, а я почему-то промолчал. С того дня он уже открыто носил крест моей бабушки. Но странно: ни возмущения, ни злобы не испытывал к нему.

«Что мне золото? – рассуждал я, – оно стоит не больше, чем один удачный выход на «дело», два часа работы. Зачем портить отношения? Вдруг, он все-таки подскажет, как еще заработать денег. И потом, допустим, я скажу, что он украл, так он может ответить: «Ты сам украл его у родной матери. Ты еще хуже».

Валентин увлекался фотографией, и как-то запечатлел всю нашу компанию: Женьку, меня, своего друга Андрюху. Почему-то я уверен, что он сохранил эти фотографии, время от времени достает альбом и просматривает их. Может быть, и Женька сохранил мой портрет, который он выставлял вместе с другими своими работами. Он изобразил меня играющим на пианино...

Фотографии, сделанные мною, иного рода. Это фотографии памяти. До поры до времени забытые, они лежат в дальнем ее уголке. Потом вдруг возникают, и ты листаешь их, как старый альбом...

Вот вся наша компания в сборе. Мы сидим на лавочках в скверике. Перед нами, прямо на асфальте, кружки с пивом.

А вот еще фотография, сделанная через несколько минут после предыдущей. С дерева на нас сыплется что-то блестящее, вроде крупных капель дождя и... ручка от пивной кружки. Это Женька, разозлившись на Валентина, ударил по кружке, как по футбольному мячу. Она почему-то взлетела вверх, ударилась о сук дерева, разбилась вдребезги, и на нас обрушился град мелких стекляшек...

Вот Валентин лежит на шоссе в нелепой позе. После того, как Женька разбил пивную кружку, они пошли драться на школьный двор. Когда переходили шоссе, Валентину показалось очень соблазнительным ударить обидчика сзади в ухо. Но не зря Женька был первый драчун во всей округе. Непостижимым образом он увернулся от кулака Валентина, и тот всей своей стокилограммовой тяжестью по инерции рухнул...

Женька приседает на одной ноге. Это он, будучи совершенно пьяным, поспорил с какими-то ребятами на всю их одежду и все имевшиеся у них деньги, что присядет на одной ноге пятьдесят раз...

Автобусная остановка. Небольшая группа людей. Красивая девушка, два парня баскетбольного роста. А я стремительно бегу прочь. Секунду назад я нахально обнял ту девушку и тут же получил увесистую от одного из её спутников...

Снова автобусная остановка. Я стою недалеко. Руки за спиной. Справа от меня, метрах в пяти два милиционера вытянули шеи в мою сторону. Сзади меня лежит кирпич. Он вывалился из моих рук, как только увидел милиционеров. А до этого была уже рассчитана траектория его полета до груди парня, от которого получил оплеуху.

А это уже не фотография, скорее убыстренная киносъемка. Мгновенно сообразив, что милиционеры заинтересовались мной и, конечно, захотят побеседовать, пускаюсь бежать, набирая такое ускорение, какого никогда в жизни до этого и не пытался достичь. Бегу переулками, дворами, перемахиваю через забор. Наконец, спасительный палисадник...

Ещё фотография. Я лежу в кустах. Как рыба, выброшенная на берег, широко раскрытым ртом глотаю воздух, одновременно стараюсь не пыхтеть, не выдать себя, восстанавливая дыхание. Лежу так около получаса. Подумал тогда: «Мне надо ещё учиться держать себя в руках, когда выпью».

Валентин в пальто и ботинках лежит ничком на кровати у себя дома. Вокруг стоят ребята в костюмах и несколько празднично одетых девушек. Одна из них слегка нагнулась и положила руку ему на плечо.

Это – когда он устроился на работу и пригласил всех новых друзей на день рождения.

– Валек, вставай, мы же к тебе на день рождения пришли, – несколько раз повторила тоненьким голоском девчонка, теребившая его за плечо.

Конечно, помню и его ответ. Перевести на нормативную лексику то, что он процедил сквозь зубы, можно было однозначно: чтобы все уходило. . .

Валентин через стол тянется за рюмкой водки и головы всех, сидящих за столом, обращены в его сторону. Это уже после того, как через час он пришёл в себя, и все сели за стол. Почему-то первым делом он решил доказать, что вовсе не пьян и сам выпил один за другим все стопочки с водкой и вином, которые предназначались для первого тоста за его здоровье.

Я стою по пояс в воде. На берегу кое-где лежит снег. Это мы вышли из бара в Сокольниках. Я поспорил с Женькой на двадцать пять рублей, что нырну в пруд, потом в мокрой одежде поеду домой, и ничего со мной не случится. Я выиграл пари, но денег так и не получил. . .

Сажу в кухне за столом, передо мной на тарелках еда, приготовленная и поданная матерью. Рядом отец с разведенными в недоумении руками. На моей физиономии, обращенной в его сторону – искажившая лицо гримаса презрения. Он попытался мне сказать, что я пошел по неправильному пути, что мне надо измениться.

– А что ты все учишь и учишь меня, – ответил ему тогда, – вот покажи мне десять тысяч, я стану тебя уважать.

Отцу ничего не оставалось, как только развести руками:

– А сын-то у нас больной, – грустно сказал он матери.

Несколько снимков, на которых изображен Андрей. Пожалуй, если бы они были напечатаны, его никто бы не узнал. На одной фотографии он лежит в луже, и лица не видно, на другой – с опущенной головой, в нелепой позе сидит на лавочке.

Моих фотографий десятки. На многих я, мягко говоря, настолько неудачно получился, что, если бы они были настоящими, мгновенно сжег бы их. Не дай Бог, кто ещё увидит. . .

– А вот и Вилек! Ты, конечно же, знаешь его, – то ли с вопросом, то ли с утверждением обратился ко мне Валентин, указывая на модно одетого парня, идущего по другой стороне улицы. – Если не знаешь, познакомлю. Великий шулер. Его еще называют заслуженным тренером по преферансу.

Валентин тут же засвистел, и когда его знакомый оглянулся, замахал обеими руками, приглашая перейти на нашу сторону. . .

Я сразу вспомнил, как чуть больше года назад, когда денег у меня совсем не было, проигрался в карты парню, который недавно вернулся из лагеря и целыми днями стоял у винного магазина, вымогая у всех на водку. Он знал, где я живу, собрал человек пятнадцать своих друзей, и они все нагрянули к нам во двор. Они даже не постучали в дверь, а только кричали, страшно ругались (чем переполошили всех соседей) и обещали друг другу, что сделают со мной, если не отдам долг.

Все это произвело на меня сильное впечатление. Неделю не выходил из дома, тасовал карты. В результате придумал систему, при помощи которой, совсем не глядя на колоду, мог сдавать себе любые карты. А в игре и надо было всего лишь раз сдать кому-то хорошие карты, а себе ещё лучше.

Знакомый Валентина еще переходил улицу, приближаясь к нам, а у меня уже возник план обязательно сдружиться с ним и выведать все его карточные секреты.

Не окликни мы тогда Вилька, как звали Володю приятели, сокращая его фамилию, может быть, он так и прошел бы по другой стороне улицы мимо моей жизни.

Он был евреем и старше меня на шесть лет. Совсем недавно окончил институт, работал рядовым инженером в каком-то НИИ. Мы жили в шести-семи кварталах друг от друга и часто по вечерам часами ходили от моего дома к его дому, и расставались лишь за полночь.

Он вспоминал всякие смешные истории – как устраивал приезжих с Кавказа в институт, а порой сам сдавал за них экзамены и брал за это деньги. Рассказывал про свои картежные похождения, показывал, как передергивать карты.

Наверно оттого, что с детства занимался музыкой, мои пальцы оказались чрезвычайно приспособленными для карт, и уже через час-два, все, что он показывал, я мог делать почти так же хорошо. Мы оказались в разных «весовых категориях». Он прекрасно играл во все игры, просчитывал карты, я же умел лишь ловко сдавать, и про многие игры понятия не имел.

Сдружились мы очень быстро. Недели через две-три после нашего знакомства он сказал, что давно ищет настоящего друга. Именно об этом и я мечтал с детства.

– Знаешь, – запомнились мне его слова, – хочу быть сильным, и сильным мира сего.

Эти слова упали на благодатную почву. Ну а то, что сила не в мускулах, и обсуждать не приходилось. В отличие от ребят из нашей компании, для него деньги были не только средством загулять. В их накоплении, чтобы затем пустить в оборот, видел он смысл своей жизни.

«Мне, конечно, по пути с этим человеком, – думал я тогда. – Ведь он обязательно станет богатым».

Как уже говорил, мы были соседями. Жил он в таком же маленьком доме, как и я, только без участка. Несколько раз приглашал к себе домой, как правило, по утрам, когда родители работали. И вот однажды довелось познакомиться с его матерью.

Когда она зашла, я сразу же почувствовал себя неловко: во-первых, на столе стояла бутылка водки, а во-вторых, Володя достал из холодильника всякие еврейские закуски.

Володина мать не говорила на понятном мне языке, типа: «Уходите отсюда сейчас же, что вы здесь устроили?»

Она медленно ходила вокруг стола и, обращаясь ко мне, довольно спокойным голосом повторяла:

– Гой, что ты ешь мою селедку? Хороба тебе в бок.

– Не обращай на нее внимания, – наливая водку, прокомментировал Володя. – У нее просто зубы болят.

Когда она вышла в другую комнату, он, понизив голос, объяснил:

– Иногда она приходит домой, когда никого нет. Ищет, куда я спрятал деньги. А часть денег в крупных купюрах я прячу под стелькой в ее тапочках.

Через несколько месяцев мне пришлось на ум спросить Володю: что же такое «гой» и «хороба».

– Гой, это значит не еврей, – растолковал он, – а хороба, это ты не расслышал: она говорила «хвороба», чтобы ты заболел, значит.

В это же время в нашей семье случилось несчастье: после инсульта парализовало отца. Ему было 58 лет. Моя мама работала шофером на машине «скорой помощи», и как раз заехала домой пообедать, когда с отцом случился удар. Поликлиника находилась рядом с домом, и уже через пять минут врачи приводили отца в чувство.

В день, когда с ним случился удар, я пришел домой очень поздно и совершенно пьяный. Мать с сестрой разбудили меня рано утром и сразу же сказали, что папа в безнадежном состоянии, и если я хочу его застать живым, должен немедленно идти в больницу.

Полтора месяца отец пролежал в больнице, и мать с сестрой не отходили от него. Я же за все это время навестил отца лишь один раз.

То лето оказалось самым пьяным в моей жизни. Колесо, в котором я стремительно вращался, после встречи с Володей, закрутилось еще быстрее. Каждый раз, когда мы встречались, происходил один и тот же диалог.

– Старик, – говорил я, – давай поедем куда-нибудь, найдем девочек.

– Обязательно, – отвечал он, – только сначала давай пива выпьем.

Мы всегда так и делали. А потом уже было не до девочек. Объяснялось все просто. Один из приятелей Володи заболел венерической болезнью, и мой друг панически боялся, что с ним может произойти то же самое. О своем приятеле Володя упомянул лишь вскользь, и пока я разобрался, что к чему, успел пройти ускоренный курс по употреблению пива с водкой.

В те полтора месяца, когда отец лежал в больнице, я ни разу не задумался, что он ждет меня, и как невыразимо больно было для него, оказавшись на грани жизни и смерти сознавать, что сын просто забыл его, предал.

У него оказалась огромная воля к жизни. Едва встав на ноги, по несколько раз в день он спускался с пятого этажа, где находилась палата, на первый и поднимался обратно. Он победил смерть.

Бремя забот, связанных с содержанием семьи, дома, полностью легли на маму. Ночами она работала на машине «скорой помощи», а днем возилась в огороде, ухаживала за отцом, занималась домашним хозяйством. Мы продолжали жить в том же домике. О таких говорили, что все удобства там на улице. За водой ходили к водопроводной колонке и таскали тяжелые ведра. Туалет – во дворе. Не было и центрального отопления, зимой ежедневно топили печку дровами.

Когда-то один из одноклассников, придя ко мне, с удивлением заметил:

– А я и не знал, что ты в сарае живешь.

Вот тогда мне и показалось, что все мои неудачи, особенно с девчонками, связаны с домом, с нашей бедностью. И я стал стыдиться родительского дома.

Вскоре и я попал в ту же больницу, где недавно лежал отец. Меня послали на обследование от военкомата. Через неделю, врачебная комиссия признала меня к службе в армии негодным.

Вначале осени Володя познакомил меня с друзьями – Маркушкой и Пиней (так он ласково называл Марика и Петю). Оба были старше меня почти на десять лет.

Однажды при мне они заговорили о Боге, очень серьезно и увлеченно. С интересом слушал их, у меня не возникало никаких сомнений, что они верят в Его существование. Затем речь зашла о каком-то Моисее, о том, как он сорок лет вел евреев по пустыне. Они даже заспорили о точности изложения этого в Торе.

О Торе никогда до этого не слышал, но понял, что речь идет о какой-то еврейской книге, где и описаны все события, о которых они спорили.

Первый раз в жизни я слышал, как кто-то серьезно говорит о Боге. Это была также и первая для меня информация о Библии.

До этого не однажды задумывался, есть ли Бог или нет. Если Он существует, думал я, то должен был как-то раскрыть Себя людям, вступить с ними в контакт. Если за столько лет существования человечества Он этого не сделал, значит, Его нет.

На следующий день спросил Володю:

– Если Бог есть, кто-то же должен был Его видеть?

– Бога не видел никто, – ответил он мне. – Кто Его увидит, тот умрет. Так написано в Торе.

Я не спросил его, что это за книга такая Тора, что в ней ещё написано, где её можно достать и почитать. Подумал, что это какой-то сборник древних еврейских мифов, подобный древнегреческим, которые мы проходили в школе на уроках истории.

Позднее, той же осенью мне случилось проходить мимо большой православной церкви. Неожиданно, может даже под влиянием недавнего разговора с Володей о Боге, внутренний голос побудил меня: «Зайди в церковь. А что если там мир, которого ты не знаешь».

Двери церкви были открыты. Я переступил порог, сделал несколько шагов внутрь, увидел окружившие меня образа. Вдруг несколько старушек – все они были сгорбленными, низкорослыми, какими-то ущербными – злобно зашикали на меня.

На мгновение смутился, кольнуло чувство непонятной вины. Может быть, входя в церковь, следовало поклониться образам, или даже стать на колени, перекреститься.

Старушки, обступив меня, продолжали что-то выговаривать. Странно, не запомнил ни одного их слова. В памяти осталась только злоба.

«Нет, здесь нет того мира, который ищущ», – мгновенно решил я, и тут же отскочив от них, как от чего-то грязного, выбежал вон.

Вопреки уверению Валентина, что, мол, те, у кого мы отбираем деньги, шум поднимать не будут, нашелся один, который все же шум поднял.

На меня, завели уголовное дело, но тут же (через три дня) закрыли, поскольку речь шла о мелком вымогательстве.

Мы с Володей основательно отметили это событие. И уже когда вышли из электрички в Лосинке, он вдруг прямо на платформе затеял драку с парнем в очках, который нес скрипку.

– Что ты делаешь? Бежим скорее отсюда! – закричал я, схватив Володьку за руку.

Но поскольку выпили мы много, бежать, как следует, не могли. Нас тут же поймали и дали по десять суток, да еще остригли наголо.

Когда позже поинтересовался:

– За что же ты ударил скрипача?

– Он не уступил места старушке в поезде, – ответил Володя.

К выпускным экзаменам в училище волосы у меня ещё не отросли. Много раз потом снилось, будто меня выгнали с последнего курса, так и не дав диплома.

Но экзамены я все же сдал. Может быть, помог баян, который родители купили мне после окончания второго курса. Ни у кого в группе не было такого баяна (да и стоил он недешево – ровно столько стоила машина «Победа»). В нем имелось четырнадцать регистров и что самое главное – регистр в басах, переключив который, можно было играть мелодию левой рукой.

При распределении на работу мне предложили три места в различных областях страны. К тому времени появилось ощущение, что я в тупике. Милиция уже знала обо мне. Все разговоры с Володей о будущем оставались лишь разговорами. Надеюсь, если уеду как можно дальше, моя жизнь изменится... Я выбрал Север.

С середины августа 1966 года уже числился педагогом культпросветучилища в далеком северном городке. До ближайшей железнодорожной станции – около двадцати километров.

...Ее звали Света. Она была студенткой последнего курса. Почему-то опоздала к началу занятий. Наши глаза встретились, и с того момента она поселилась в моей душе, в сердце, и мысли о ней не покидали меня.

Ей было восемнадцать, мне – девятнадцать лет. При встречах со мной она мило кокетничала, а я пребывал в состоянии эйфории, растерянности и абсолютно не понимал, что со мной происходит. Никогда прежде ничего подобного не испытывал.

Мы жили в одном общежитии. Если не было занятий, я целыми днями старался не выходить из комнаты, чтобы как-то приглушить поглотившее меня наваждение. Но долго не выдерживал, выходил хоть на минуту, и обязательно встречал ее. Потом и она признавалась, что тоже старалась не выходить из комнаты, а когда выглядывала, непременно встречала меня.

Случилось то, чего боялся. Я влюбился. Когда не было соседа по комнате, (он тоже работал преподавателем), она заходила ко мне, и мы только целовались. Я ни разу не признался ей в любви, как и ни разу не попытался овладеть ею, будто кому-то поклялся ни при каких обстоятельствах не делать этого.

В том городке был малюсенький кинотеатр. Однажды во время сеанса кто-то прокричал мою фамилию и попросил выйти из зала. Парень выше меня ростом, по моим понятиям просто красивый, представился её другом.

Он принес с собой водку, и прямо в буфете предложил выпить. Завязался разговор. Оказывается, Света была его девчонкой, но теперь как бы разлюбила его, и причиной тому я. Но он не хотел мешать, а вызвал меня просто познакомиться и поговорить.

Через неделю-две она стала избегать встреч. Мною сразу же овладела ревность, чувство, так хорошо знакомое с подростковых лет.

Я решил, она ко мне охладела, и надо во что бы то ни стало выйти из этого мучительного состояния неразделенной любви. Подумав, пришел к выводу: «У меня только два выхода: все бросить и уехать или предложить замужество». Но сделать волевой шаг и жениться я так и не решился. Слишком много доводов было против: я молод, что скажут друзья, надо резко переломить свою жизнь.

Проработав всего пять месяцев, уволился и уехал из того северного городка. Тогда это казалось мне единственным способом освободить свою душу из плена.

Подтолкнуло уехать как можно скорее ещё и то, что обыграл в карты одного из педагогов училища. В канун Нового года несколько преподавателей, с которыми был особенно близок, зашли ко мне в комнату. Мы выпили немного, кто-то достал карты, и завязалась игра в подкидного. Здесь-то я им и показал самую модную в то время азартную игру.

Некоторое время играл честно. Затем, совершенно не задумываясь о последствиях, решил обыграть их. Улучив момент, вывел в коридор Николая (мы дружили, он тоже работал по распределению и тоже был москвичом) и сразу изложил свой план, которым пользовался не однажды. Чтобы отвести от себя подозрение я сдаю ему хорошие карты, и он играет на все деньги, что у нас есть. Выигрыш пополам. Николай согласился.

Так получилось, что проиграл нам Павел, самый уважаемый из преподавателей. На следующий день его друг пришёл ко мне и попросил вернуть деньги.

– Пойми, – запомнил я его слова, – мы все уважаем Павла, он у нас как справедливый судья. Теперь же он попал в неловкое положение и зарплату в семью не принёс. Николай отдал деньги, верни и ты.

Он не сказал впрямую, но я сразу понял, что они всё узнали о моём плане.

Много раз прощал карточные долги, но тогда подумал: «Всё равно собираюсь уезжать, и потом, кто мне хоть раз в жизни простил долг».

Все они были старше меня, и уже подолгу жили в том городке. Используя свои связи, могли просто заставить вернуть деньги, но они не стали этого делать. Встречаясь со мной, вели себя так, будто ничего не произошло. Вскоре почувствовал себя чужим среди них, не таким как они. Ни говорить, ни улыбаться им, ни смотреть им в глаза, как прежде, уже не мог.

Состояние влюбленности, полная перемена окружения и полугодовой, почти трезвый образ жизни, подействовали неожиданным образом. Еще по дороге домой, в поезде, стало зреть решение, сделать какой-то поворот в жизни. «Не мое совсем это дело – музыка, – думал я. – Для студентов культпросветучилища, может быть, кажется почти фокусом, что кто-то берет ноты и играет с листа то, что они играют на выпускных экзаменах, проучившись по пять-шесть лет. Но ведь этому всему грош цена, если не можешь просто на слух подыграть элементарные мелодии. И как неприятно каждый раз придумывать отговорки, когда тебя об этом просят».

При въезде в Москву, увидев родные пятиэтажки, решил: здесь мое место, в этом городе, я должен все начать заново.

После долгих раздумий я решил, что хорошо бы стать знаменитым футболистом: «Еще не поздно, мне только двадцать и если как следует потренироваться два-три года, то почему бы нет?»

Мечты мечтами, а по советским законам, чтобы не зачислили в «тунеядцы», надо было срочно трудоустроиваться. В музыкальной школе, где когда-то учился, мне предложили неполную ставку – всего сорок рублей в месяц. Стало ясно: моя профессия меня не прокормит. Невольно, в который уже раз, пришла мысль, что одиннадцать лет занятия музыкой – ошибка.

К этому времени все мои друзья как-то определились в жизни. Рязанчик, после окончания десятого класса, поступил в Институт связи, очень рано женился, сразу же стал отцом. Он переехал жить в другой район, и мы лишь изредка перезванивались.

Валентин тоже женился. Прекратил пить, устроился на работу, у него родилась дочка. На свадьбу меня не пригласил, и мы не виделись почти полтора года. Все новости о нём узнавал от Андрея

Сам же Андрей, прослужив год в армии, сумел комиссоваться по болезни, вернулся в Москву, устроился лаборантом в педагогическом институте, считал, что нашёл работу по душе. В одну из его обязанностей входило мытьё мензурок и пробирок. Для этого ему ежедневно выдавали спирт. Ну а пробирки он мыл водой. К тому же он знал многих преподавателей, и во время сессий и вступительных экзаменов использовал свои связи, помогая сдавать экзамены и зачёты тем, кто просил его об этом. Конечно, не безвозмездно.

За те полгода, которые не был в Москве, Женька-художник заметно изменился. Он прекрасно одевался, ездил на такси и часто ходил обедать в рестораны. Когда увиделись первый раз, после моего приезда, он критически осмотрел меня с ног до головы, как осматривают приехавшего из глухой провинции. Предложил пообедать в дорогом ресторане.

Наверно, у него, действительно, был талант. Он рассказал, что работает в различных издательствах, оформляет книги. За каждую обложку получает в среднем по 60–70 рублей.

– Ну и сколько же тебе надо времени, чтобы сделать одну обложку? – поинтересовался я.

– Если в ударе, то день. Но пока найдешь работу, пока утвердят эскиз, проходит почти неделя. В среднем делаю 4–5 обложек в месяц, – ответил он.

Некоторое превосходство, которое, как мне показалось, было у него при первой встрече, быстро улетучилось. Наша дружба была проверена годами: по первому звонку мы могли отложить все свои дела и прогулять деньги, которые у нас имелись.

У Володи за время моего отсутствия никаких серьезных изменений в жизни не произошло. В отличие от нас с Женькой, для него казалось немыслимым потратить последние деньги. «Деньги должны рождают деньги», – учил он меня, как бы заранее зная, что грядет век спекуляции, и накопления понадобятся для оборота.

Поскольку я знал, что он любит поговорить о будущем, то и выложил начистоту мысли попробовать себя в футболе. «Футбол – это хорошо, – мгновенно отреагировал Володя, – Стрельцовым будешь. Вот давай сейчас и рванем в Сокольники, там и обсудим, когда ты к тренировкам приступишь».

Все наши разговоры и прожекты неожиданно привели к тому, что в начале лета он устроился сам и меня устроил... на работу. Мы стали агентами по доставке на дом железнодорожных билетов. Работа была сезонной, только на летнее время, с зарплатой 60 рублей в месяц. Но основной заработок состоял из чаевых. Чтобы иметь больше чаевых, приходилось их выпрашивать, как-то намекать, чтобы тебя отблагодарили. Володьку это не смущало, мой же язык решительно не поворачивался для этого. И под вечер, когда мы выясняли, кто сколько насобиравал чаевых, у него всегда выходило в два раза больше.

Работа оказалась нелегкой. Мы начинали в семь утра, и домой приходил иногда лишь в 11 или 12 ночи. Надо было разнести билеты по 50–60 адресам, затем пересчитать деньги и сдать в кассу. Особенно тяжело приходилось в начале. Через день бригадир посылал в новые районы, и много времени уходило на поиски незнакомых улиц и переулков.

После того, как проработал немногим более месяца, отложил около тысячи рублей. И тут меня охватил азарт накопительства, о котором ранее и понятия не имел. Несложные расчеты показывали, что за сезон можно заработать на кооперативную квартиру или машину.

Энтузиазм был настолько велик, что даже возникла мысль: «Предложи кто-то сейчас миллион, не возьму, я сам его заработаю».

К концу второго месяца за мной закрепили постоянный район, и работать стало значительно легче. С утра можно было чуть-чуть расслабиться и не сразу бежать на линию.

Марк и Петя, Володины друзья, к тому времени тоже работали «в доставке», как все называли эту работу, и почти каждое утро мы шли вместе в гостиницу «Ленинградская» позавтракать и поболтать.

Однажды, когда официант принес счет, все как по команде дружно сказали «я заплачу». «О, ребята, да вы как грузины», – удивился официант. «Не-а, мы евреи», – мгновенно, как будто бы заранее приготовив ответ, сказал Марик. И все засмеялись.

Итоги работы за лето были впечатляющими. Марик вскоре купил кооперативную квартиру, Петя – подержанную машину, Володя ничего не купил, но в глазах всех стал самым богатым. Я же остался при той тысяче, которую собрал после первого месяца работы. И этому было объяснение. Двести рублей отдал Володе, чтобы он передал начальству за устройство на работу (как и договорились). Триста рублей заплатил сестре. Она купила двухкомнатную кооперативную квартиру, хотела сдать ее кому-нибудь, и я снял эту квартиру и заплатил деньги за год вперед. Еще триста рублей куда-то потерялись, когда Володя, Женька и я играли в карты у меня дома.

Случилось это так. По каким-то ей одной известным причинам Володина мать нагрянула ко мне домой. Ни до того, ни после, никогда не заходила к нам. Она застала нас играющими в карты в моей комнате. Произошел грандиозный скандал. Она обвинила мою мать, что та устроила картежный притон. Помню, все забегали, закричали. Кончилось тем, что мы схватили свои деньги, сложенные кучками на столе, выбежали из дома, сели в такси. Когда потом посчитал деньги, не хватало трехсот рублей.

И последнее приключение произошло с моим отцом. Однажды попросил его разнести за меня билетки. С работой он справился, но в конце дня, видимо устав, потерял портмоне, в котором было семьсот рублей и на триста рублей непроданных билетов. Не знаю, сколько отец с матерью скопили к тому времени за всю жизнь, но потеря тысячи рублей была для них большим ударом.

Не помню, кому пришла в голову мысль – Володе или мне: просто отдать отцу триста рублей и сказать, что деньги, конечно, потеряны, но билеты кто-то вернул, и мы их сдали в кассу и получили обратно деньги.

– Знаешь, что, – предложил еще Володя, – давай возьмем ведомость и поедем по всем адресам, может найдем портмоне, может он оставил его в какой-то квартире.

Мы проехали по всем адресам, но ничего не нашли.

Тогда у него возник другой план.

– Отдохни дней десять, – посоветовал он. – Пусть отец за тебя потрудится, что-то заработает. Ему будет легче.

Так мы и сделали.

Кончилось лето, а с ним и сезон доставки билетов. Фактически, это была моя первая в жизни настоящая работа. Я уже привык вставать рано утром, куда-то бежать, что-то делать. Набранная инерция должна была иметь продолжение. Преподавание же в музыкальной школе, куда предстояло идти работать с первого сентября, таким продолжением в мое сознание никак не вписывалось.

Случайно, именно в это время, родители прочли в газете, что проводится набор на так называемый рабфак (рабочий факультет) в Институт имени Мориса Тореза. Это были годичные курсы по подготовке в институт иностранных языков. Все, что требовалось для поступления, – заявление и справка с места работы.

В школе я учил немецкий, и дома осталось несколько учебников. Ради любопытства я тут же взял один из них, дал сестре, попросил устроить мне маленький экзамен, чтобы выяснить, сколько же слов осталось у меня в памяти. Когда посчитали, и оказалось, что помню всего тридцать слов, сестра сказала:

– Ну, это почти ничего, за год ты не подготовишься.

Какой-то необыкновенный азарт вселился в меня: «Интересно, сколько же этих слов можно восстановить в течение дня?»

Несколько часов ходил со словарем и зубрил слова. Когда вечером мать с сестрой снова проверили меня, помнил уже около тысячи слов. В этот момент нашел как бы точку опоры.

«Конечно, – подумал я, – сегодня нужнее английский. Что ж, как только поступлю в институт, сразу же и займусь им».

Может быть, бабушка в детстве разговаривала со мной по-немецки, и немецкая речь осталась в подсознании, может от того, что, едва научившись читать, я часами перелистывал энциклопедию, выискивая всякие иностранные словечки. Не знаю почему, но неожиданно понял: мне не надо ничего зубрить, все запоминается само собой, с первого раза, в процессе изучения грамматики.

Однажды, после нескольких месяцев занятий, решив проверить, какая же у меня память, я прочитал страницу немецкого текста, затем отложил учебник и записал на листе бумаги все что запомнил. Разница составила всего несколько слов.

Чувство, что все по плечу, моментально овладело мною. В следующее мгновение уже видел себя главой государства или, на худой конец, крупным чиновником министерства внутренних дел, который расследует свои же преступления.

В жизни каждого человека бывают дни, забыть которые невозможно, помнишь, что чувствовал, с кем и о чем говорил. Наверно, такие дни и определяют дальнейший путь человека, и мысли, появляющиеся в эти мгновения, иногда, вопреки всякой логике, превращаются в обещания самому себе, в руководство к действию.

В тот день, когда мне исполнился двадцать один год, я чувствовал себя так, как будто после долгого и опасного подъема оказался на вершине горы, и с высоты неожиданно открылась захватывающая перспектива.

Перспектива, действительно, обнадеживала. Вдруг открылись способности, о которых я и не подозревал, и стало ясно, за что себя ценить. Поступление в институт оказалось реальностью; приближался очередной сезон доставки билетов, появились новые друзья.

Мой день рождения отмечали вчетвером: Володя позвал своих друзей Марика и Петю. Если бы до встречи с Володией меня спросили, что я думаю о евреях, не задумываясь, ответил бы: «Стараются избегать драк. Спортсом, кроме шахмат, не увлекаются. Учатся хорошо, многие идут в музыканты, и почти все стремятся получить высшее образование». Такая характеристика, пожалуй, была бы объективна для евреев-сверстников, окружавших меня.

Володиным друзьям было за тридцать, и это льстило мне. К тому же, дружба с ними идеально вписывалась в «поворот», которого я так желал. Если в моем сознании и была посеяна мечта об Америке, то все, о чем они говорили, падало на благодатную почву, чтобы семена взошли как можно быстрее.

Еще ни от кого в своей жизни не слышал реальной информации о Соединенных Штатах. Рассказывая друг другу о том, что знали из писем от родственников, живущих в Израиле и Америке, они все время сравнивали советскую действительность с западной. Из разговора я понял, если они получают разрешение на выезд, не задумываясь, всё оставят и уедут.

Петя подарил мне будильник, на его обратной стороне гвоздем нацарапал: «Бди время».

Да, немного задремал, промедлил и тебе уже тридцать...сорок... пятьдесят... А что успел?

В тот день мы дали друг другу обещание: куда бы судьба ни забросила нас, однажды мы обязательно соберемся вместе, там, на Западе.

Шел 1968 год.

После возвращения с Севера прошел ровно год. Казалось, время и обилие новых впечатлений должны были как-то сгладить образ Светы. Но этого не произошло. Он жил во мне,

постоянно напоминая о себе почти физическим ощущением, будто кто-то едва-едва прикасался ладонью к моей груди, и от этого прикосновения расходились волны тепла.

Ожидание писем, голос в трубке (несколько раз мы говорили по телефону) и регулярно снившийся раз в три-четыре месяца сон, как я еду ее искать, но никогда не нахожу и не вижу – привели к решению: «Само собой это состояние не прекратится, надо поехать к ней, увидеть ее, может быть, тогда что-то изменится».

Дорога в тот северный городок (как и снилось) была долгой: трое суток на поезде в один конец. За окном мелькали бесконечные заснеженные поля, полустанки и маленькие деревушки, а в моей голове крутился калейдоскоп мыслей.

«Обычно, когда кто-то совершает такой «вояж», – осмысливал я, – то это выглядит как предложение замужества».

Но именно сейчас, посреди всех начинаний: поступления в институт, сумасшедшей работы по доставке билетов и желания сделать карьеру, – жениться, это все равно, что сорвать стоп-кран поезда.

Какой-то незнакомый вкрадчивый голос тихо, как бы по-дружески стал советовать: «У тебя же такие способности, ты можешь достичь всего, чего хочешь, а ведь не исключено, что женитьба помешает твоим планам. Пройдет время, все станет на свои места, да и что, ты не найдешь себе москвичку?»

Отчетливо помню напряжение при встрече и чувство, владевшее мной: ведь надо как-то объяснить, зачем я все-таки приехал.

Светлане уже исполнилось 20 лет. Роста она была чуть ниже среднего, вся в веснушках и выглядела семнадцатилетней девчонкой. Никогда так и не видел ее в туфлях, потому что из-за сильных морозов все женщины в том городке ходили в валенках.

Мы поговорили совсем немного, и мои худшие опасения сразу же подтвердились. Несмотря на напряжение, на прошедшее время, ее движения, жесты, мимика очаровывали меня, как и прежде.

К ней в общежитие мы пойти, конечно, не могли, нельзя было пойти и в гостиницу: все в этом городке друг друга знали.

Из двух суток, имевшихся в моем распоряжении, день я просто просидел в гостинице, так как у нее были неотложные дела, а еще полдня мы провели, гуляя по улицам.

Слова, исходившие от меня окольным путем, подводили к мысли, что я такой несчастный, жить без нее мне тяжело, и вроде бы нет выбора. Остается попробовать жениться...

Поезд в Москву уходил рано утром, и я решил последним автобусом добраться до станции, там и переждать ночь.

Неожиданно Светлана вызвалась проводить меня. Мы приехали уже поздно, около десяти вечера.

– Знаешь, – сказала она, – здесь обычно стоит купейный вагон, и в нем, если заплатим проводнику 2-3 рубля, можно пробыть до утра в отдельном купе.

Наутро, расставаясь, договорились, что она, окончив последний курс, летом приедет в Москву, и мы поженимся.

По дороге домой, в поезде, думал: как теперь все представить родителям? Еще перед отъездом они спрашивали, куда и зачем еду, и я, хоть и путано, выложил правду.

Так получилось, что по приезде именно сестре первой я рассказал обо всем, и уже от нее мать с отцом узнали о моих планах.

«Да, но ведь мы ее совсем не знаем, – сказала сестра. – Допустим, жить вы пока можете в моей квартире, но это же все не так просто. Дай мне ее адрес, я напишу ей».

Сестра испытала на себе, что значит не иметь собственного угла. Когда первый раз вышла замуж, родители уступили ей свою крошечную комнату (шесть-семь кв. метров), а сами перебрались в комнату, где спал я.

С мужем прожила недолго, сразу же после развода, поставила цель – во что бы то ни стало иметь свое жильё. Как только представилась возможность, стала ездить по командировкам, жила в общежитиях. Проработала около двух лет, но денег не набрала даже на первый взнос. Ей одолжили родители. Кооперативное жильё досталось ей нелегко.

То ли потому, что я дал обещание жениться и этим как бы подвел черту, то ли потому, что доверил сестре все уладить, но неожиданно стало очевидным: ежеминутное присутствие Светланы в моем сознании заметно сгладилось.

К тому же приближались вступительные экзамены, которые должны были показать, какова реальная цена моим амбициям.

Решение сдавать экзамены сразу в два института одновременно подсказывала простая логика: в два раза больше шансов поступить. Сразу вспомнил об Андрее. Он работал в институте, где был факультет немецкого языка и мог помочь сдать экзамены по литературе и истории, к которым я даже не готовился.

Заблаговременно достал все необходимые документы, в том числе и дубликат диплома о среднем образовании. В обоих институтах первый экзамен – немецкий язык, устный. Когда, спустя три дня, поехал узнать результат, к своему восторгу обнаружил, что и там, и там, напротив моей фамилии, стояла оценка «отлично».

Сдать остальные экзамены было уже делом техники.

В самом начале экзамена по литературе какой-то модно одетый молодой человек, по виду аспирант, зашел в аудиторию, подошел к доске, на которой только что написали темы сочинений, поглазел на нее секунд 15–20, затем спросил изумлённых преподавателей:

– Где здесь буфет?

Не дождавшись ответа, решительно направился к выходу, ловко обойдя одного из членов приёмной комиссии, который пытался преградить ему дорогу. «Аспирантом» был Володя.

Сочинение за меня написал Марик. Для него литература была такой же страстью, как для меня футбол. Когда Володя сообщил ему темы сочинений, он тут же выбрал своего любимого Маяковского, пошёл в институтскую библиотеку, взял необходимые книги и два часа, не останавливаясь, писал о нём.

В аудитории я намеренно сел около самой двери, и Андрей незаметно передал мне испи-санные Мариком листы. Сочинение я сдал одним из первых, даже не прочитав его.

Так, с помощью друзей, я стал студентом романо-германского факультета Областного педагогического института имени Крупской.

Конечно, мог попытаться продолжать сдавать экзамены и в Институт Мориса Тореза, который был более престижным, и где уже сдал на «отлично» немецкий. Но решил, что главное не престиж, и что под прикрытием Андрея учиться будет удобнее.

Сестра, как и обещала, написала Светлане письмо, и прошло уже довольно много времени, но ответа пока не было.

Несколько раз возникали сомнения: «Что же она там написала? Говорит, вроде бы, логично, но сам-то я письма не читал. Может быть, она в душе и против этой женитьбы?»

Но тот новый голос, который как бы родился во мне именно в это время, дружески, спокойно стал советовать: «Ты ведь и сам толком не знаешь, чего хочешь. Пусть все устроится без тебя. Так будет правильно, и потом, время все лечит, не торопись».

Ответ пришел лишь в начале лета. На скамейке под топодем около дома несколько раз перечитал ее письмо. Написано оно было на листках из школьной тетради, сложенных пополам. Суть его сводилась к тому, что со своими друзьями она поехала за город, и там случилось что-то такое, после чего она долго плакала и теперь не знает что делать.

Объяснение могло быть только одно: либо ее изнасиловали, либо из-за легкомысленного поведения она потеряла девственность.

Прочитав такое письмо, жених может испытать гамму чувств: от ярости и ревности до жалости и желания немедленно поехать и разобраться в том, что произошло.

Нет, от моего гнева листья с тополя, под которым я прочел ее послание, не попадали. Я пребывал в недоумении, как от неожиданного хода при игре в шахматы, когда вроде бы все идет своим чередом и вдруг, ход, на который сразу ответить невозможно, необходимо заново осмыслить всю ситуацию.

Лето, а с ним и сезон доставки железнодорожных билетов, были в самом разгаре. Работать стало гораздо легче: в своем районе я уже знал не только самые маленькие переулки, но и расположение домов. По вечерам появилось свободное время.

С Женькой-художником мы, по-прежнему, виделись почти каждый день. Однажды он рассказал, что познакомился с одним чудаком (он его называл татошником), который знает на бегах всех наездников, и они иногда говорят ему, какая лошадь придет первой. Информация показалась мне чрезвычайно интересной, особенно про то, что если в каком-то заезде поставить на темную лошадь, то можно выиграть одним ударом несколько тысяч.

На бегах я никогда не был, и мы договорились, что в ближайший беговой день вместе поедем на ипподром.

Все что увидел и почувствовал, оказавшись на ипподроме, произвело впечатление совсем иного мира. Люди с озабоченными лицами и программками в руках без конца снующие туда и сюда, очереди в кассах, мгновенно растворяющиеся после звонка, азарт на трибунах, висящий как облако, разговоры о том, какой заезд сделан и какой нет. И, наконец, сами лошади – сильные, грациозные, красивые. Огромного размера театр, где ты и зритель, и участник одновременно.

Татошника звали Гришей. Ему было лет сорок. Он не производил впечатления веселого, жизнерадостного человека, какая-то озабоченность постоянно присутствовала во всем его облике.

Поскольку денег, чтобы делать ставки, у него совершенно не было, мы сразу же по-джентельменски договорились: его информация, наши деньги, выигрыш пополам. Что будет в случае проигрыша мы, не оговаривали.

Не могу припомнить, что произошло именно в тот первый день: выиграли мы или проиграли, может быть, потому, что все последующие дни, сколько их было – тридцать, пятьдесят или больше – выглядели почти одинаково. Лошадь, которая, по его словам, должна была прийти первой, и в самом деле имела шанс, но в последний момент она делала проскачку или ее обгоняли на самом финише. Голос диктора, объявлявшего как проходят скачки, не забылся до сих пор: «Сбоила Лодочка», «Штормовой Парус сделал проскачку», «Ушёл в галоп к столбу Гром».

Если же наша лошадь приходила первой, мы, как правило, «не доезжали в длинном». Играть в «длинном» на жаргоне ипподрома – значит делать ставки сразу в двух, подряд идущих заездах. Если в одном из заездов лошадь не приходила первой, деньги были потеряны. Когда же все совпадало, выигрыш оказывался незначительным. А с маленьким выигрышем что делать? Разве что, не дожидаясь конца скачек, поехать в ресторан.

У меня не возникало сомнений в честности Григория. В те дни, когда ему не удавалось ничего узнать, он прямо говорил об этом и не советовал нам играть.

По-настоящему возбужденным и веселым я видел его лишь однажды. Накануне он объявил, что совершенно точно знает «темную лошадь» и попросил принести побольше денег.

В тот день (кажется, воскресенье) было шестнадцать заездов, наша лошадь объявлена в последнем. Часа через два, после начала скачек, мы дали Грише четыреста рублей, которых, по его словам, должно было хватить, чтобы подстраховаться, поставить от всех лошадей в пятнадцатом заезде к нашей, в шестнадцатом.

В великолепном настроении, без всякого азарта, просто коротая время, я по мелочи потихоньку проигрывал деньги, которые у меня оставались.

Примерно за полчаса до заезда, которого мы так ждали, Женька буквально подбежал ко мне и сообщил новость:

– Григорий вошел в азарт, проиграл все деньги, и теперь ему нечего ставить на нашу лошадь.

За полчаса мы кое-как собрали всего десять рублей.

Наша «тёмная лошадь», действительно, пришла первой. Да и выдача оказалась огромной: за один выигранный билет, который стоил всего рубль, давали 425 рублей. Конечно, я мгновенно посчитал, сколько денег мы могли получить, если бы сыграли на все 400 рублей, а не на десять...

– Куда же у тебя деньги деваются? Ты все-таки что-то зарабатываешь, – удивился Володя, после того, как третий раз подряд мне не чем было заплатить за завтрак.

Мы каждое утро перед работой по-прежнему завтракали в гостинице «Ленинградская».

– Понимаешь, вкладываю тут в одно дело, – без особого энтузиазма начал я и затем рассказал про свои приключения на бегах.

Выслушал он без комментариев, но всем своим видом показывая, что самому не терпится поехать на бега, чтобы посмотреть, как меня там обманывают.

– А вот ты можешь рисковать в жизни? – спросил его Григорий, когда они познакомились и завязался разговор.

– Ну, вообще-то, иногда... – издали начал Володя.

– А по мне, знаешь, – перебил его Григорий, – кто не рискует, тот и не живет.

И дальше он стал рассказывать про темную лошадь и про то, как можно сделать «хороший удар», много выиграть. Только нужны деньги.

– Ты, значит, денег просишь? – изумился Володя, будто ожидал всего, что угодно, только не этого. – Это как же получается? – наступал он. – Ты меня первый раз видишь и просишь. Это значит, все, кто тебя знают, тебе уже не доверяют. А как же ты будешь отдавать, если проиграешь?

Татошник был явно ошеломлен таким напором.

– Да как же можно проиграть, как можно? – несколько раз повторил он. – Мне же сам (назвал он фамилию известного наездника) сказал об этом по секрету. – Знаешь что, – в азарте выпалил он. – Дай мне деньги, а я дам тебе в залог мой партийный билет...

И он действительно вытащил из бокового кармана пиджака партийный билет.

– А вот этого мне вообще не надо, – мгновенно отреагировал Володя с таким видом, словно ему предложили наркотики или огнестрельное оружие.

Год назад, когда Женька узнал от меня о доставке, никакого интереса к этой работе не проявил. Его реакция была однозначной: чаевые – это некрасиво, как-нибудь обойдемся без них. Но, очевидно, после знакомства с Татошником гонораров за обложки, чтобы покрывать все расходы, стало явно не хватать. И по тому, как он иногда интересовался моими делами, было очевидным, что он тоже не прочь поработать некоторое время.

С Володей он виделся нечасто и всегда в моем присутствии. У Володи была одна особенность – в разговоре он всегда приbedнялся, но делал это таким образом, что все были уверены, будто денег у него в десять раз больше, чем на самом деле.

Однажды мы втроем оказались в Сокольниках. Подходил к концу июль. Женька стал расспрашивать о доставке, о том, как туда устроиться. Мы рассказали обо всем, и о том, что для этого надо дать начальнику двести рублей. Само собой, разумелось, что деньги мог передать только Володя.

В тот день мы выпили очень много, а еды купили столько, что даже не могли уместить все на столе и часть поставили на стулья.

Слово «купили», мягко говоря, в нашем случае не совсем точное. Володя показал трюк, который действовал безотказно. Подойти к кому-либо, кто уже, отстояв всю очередь, достиг места, которое было ограждено металлической стойкой, и вежливо попросить: «Вы не могли бы мне подать вот тот салат, совсем забыл, что моя жена его очень любит». Затем задача состояла в том, чтобы незаметно миновать кассира. Если это не получалось, мы, конечно, платили.

Используя несколько раз этот прием, мы, к тому же, еще избежали почти часовой очереди.

Говорили о бегах, о доставке. Вспоминали разные веселые истории. Володя был явно в ударе, и мы то и дело смеялись после его острот.

Затем произошло то, чего я никак не ожидал. Как ровно десять лет назад во мне, Женька в какой-то момент разговора нашел что-то неправильное в Володе и вызвал его драться один на один.

Силы были, конечно, неравны. Сразу же, после пропущенного удара, Володя осел на мелкие кусты, которые не дали ему полностью упасть, и продолжать драться он уже оказался не в состоянии.

К тому же металлическая шина, которую он носил, чтобы выпрямить искривленный зуб, от удара разломалась. Как я уже говорил, Женька никогда не бил лежащего. Он только лишь сказал что-то оскорбительное. Володя промолчал.

Под влиянием какого-то импульса мои ноги пошли вслед за Женькой. Мы оставили Володю одного. На душе скребли кошки: что-то неправильно, я как бы предаю друга, который делал мне только добро, которого я ни в чем не могу упрекнуть. Но было уже поздно. Мы вышли из парка, сели в такси и уехали.

Я даже толком не понял, из-за чего возникла ссора. Это было какое-то недоразумение, какая-то нелепость. С этого дня под разными предлогами Володя стал избегать встреч со мной, уходил от всяких разговоров и объяснений.

Примерно полгода мы не виделись. Много раз я звонил ему на работу, и мне говорили, что его нет на месте. Однажды он снял трубку и сказал, что у него совсем нет времени, потому что он познакомился с какой-то девушкой и серьезно с ней встречается.

Женька, буквально, через неделю после драки, сам пошел в железнодорожное бюро, где мы работали. Как раз в это время там проводился дополнительный набор, и его взяли просто так, с улицы.

Все доставщики боялись женщины, которая проводила набор, поскольку жалобы приходили к ней, и она, долго не разбираясь, многих увольняла. Когда я узнал, что Женьку приняли, то сразу же подумал: «Действительно, кого же взять, как ни его: идеально чист и причесан, в хорошем костюме, красавчик с покорным выражением лица».

Невольно вспомнился эпизод из далекого детства... Когда Женька появился в нашей школе (ему было 12 лет), недели через две-три после того как мы подрались, наш класс вместо урока физкультуры повели на прогулку. Мы проходили мимо кладбища, и Женька нарвал цветов прямо с могил. Когда мы вернулись в школу, он на уроке, при всех подарил цветы Галине Константиновне, нашей классной руководительнице. Она обняла его, и в ее глазах блеснула слеза.

Через полгода мы помирились с Володей. Он забыл обиду и простил меня.

Как-то спросил его, из-за чего же все-таки возникла драка?

– Женька просил займы денег, а я не дал, – ответил он.

С первого сентября начались занятия в институте. Группа, в которой я оказался, состояла из двенадцати человек, десять из них – девушки.

С самого начала я решил серьезно заниматься лишь немецким языком, а остальные предметы сдавать с помощью Андрея.

– Если что-то не получится, сделаем через Николая Николаевича, – обещал он

Николай Николаевич работал в институте много лет, был не только преподавателем, но и председателем профкома. Еще до поступления в институт, когда бы ни приходил к Андрею, он, несколько его друзей-лаборантов и Николай Николаевич всегда были заняты одной проблемой: где достать деньги на водку. Если начинали с утра, выпить могли до десяти бутылок в день.

Однажды, уже проучившись несколько месяцев, зашел к ним в лабораторию. Конечно, они сразу спросили, нет ли у меня денег. Когда давал им «последний» рубль, моментально созрел план, как устроить им праздник. Для этого вызвался пойти в магазин. Купил столько водки, сколько уместилось в портфеле. Когда вернулся, не сказал им об этом, а потихоньку вынимал бутылки одну за другой, по мере надобности. Каждой новой бутылке они радовались как дети, всякий раз веря, что она – последняя. В тот день мне пришлось узнать, что Николай Николаевич живёт на четвёртом этаже, да ещё в доме без лифта.

Приблизительно, в это время Андрей сообщил, что арестовали Валентина. Вскоре он же сказал, что был суд, и мой бывший «наставник» получил четыре года. Я сразу же вспомнил про бабушкин крестик, про обещанные им «крупные дела», и какое-то злорадство шевельнулось во мне: «А почему не десять?»

Я по-прежнему снимал у сестры квартиру, которой иногда не пользовался неделями. Лишился же я ключей, квартиры и задатка, который заплатил вперед, вследствие, казалось бы, невинной причины: Женька понравился одной девчонке больше чем я.

После того, как мы изрядно выпили, я стал к ней приставать, она ясно дала понять, что хочет быть с Женькой. Видимо, я ее плохо понял и повторил свои домогательства. Тогда она ударила меня по щеке и назвала хамом. Автоматически я тоже ударил ее по щеке. От удара сигарета, которую она курила, выпала изо рта на тахту, но ни она, ни я этого не заметили.

Девушка с Женькой ушли в ванную. И тут откуда-то появился дым. Оказывается, горел финский матрас, которым сестра очень дорожила. Пришлось вылить на него целый чайник воды, от чего на матрасе возникли огромные разводы. Я боролся с огнем и думал, как несправедливо устроена жизнь.

Странно, что алкоголь, казалось, не влиял на мои умственные способности, на память. Во время лекций, которые, особенно поначалу, старался не пропускать, никогда ничего не записывал и домашних заданий не делал.

Преподавательница по немецкому языку раз или два в неделю давала задание на дом: выучить наизусть немецкий текст. В начале следующего занятия я всем своим видом показывал, чтобы она не вызывала меня первым, мне необходимо некоторое время, чтобы выучить текст. Она всегда принимала эту игру, и когда я откладывал учебник, спрашивала при всех: «Готов?»

Зимняя сессия прошла легко. Язык я без труда сдал сам, а за остальные зачеты подписи собрали Андрей и Николай Николаевич.

Всё шло, как по кругу: летом работа по доставке билетов, с сентября учеба в институте, январь и июнь – сдача сессий, случайные связи с женщинами.

Закономерностью вращения этого круга было то, что деньги, сколько бы их ни появлялось, исчезали с поразительной быстротой. Чем быстрее они исчезали, тем крепче становилось убеждение, что они – ключ ко всему.

Однажды надо было продать кое-что из золота, и Володя направил меня к Юре. Так звали его приятеля. Заплатив достаточно хорошо за перстень, принесенный мною, он сказал: «Принеси все что достанешь – золото, монеты, меха, иконы. Я все куплю».

Он не скрывал источника своих доходов. Как и мои, они были связаны с железной дорогой. Он работал разъездным билетным кассиром. Ночью ехал, например, в Орел, встречал там поезд, идущий в Москву, и в поезде компостировал билеты тем, кто ехал транзитом через Москву. «А откуда же появляются деньги?» – поинтересовался я. «Очень просто, – ответил Юра. – Когда компостируешь билет, то ставишь штамп, на котором написано – комиссионный

сбор 30 копеек. Я ставлю два штампа на билет. Десять штампов – лишних три рубля». «Хм, – подумал я, – кое-кто работает целый день за три рубля.

«Если закомпостируешь триста билетов за ночь, вот и посчитай, сколько выходит. Деньги – это мои солдаты», – продолжал он. И тут же стал показывать мохеровые шарфы, ондатровые шапки, золотые кольца и цепочки, которые хранил в литровой банке, при этом, называя на все цены, по которым продает и покупает.

Впервые я видел настоящего спекулянта.

– Ну, как тебе Юра? – спросил Володя, когда мы увиделись на следующий день. – Железный человек, – сам же ответил на свой вопрос. – По утрам делает гимнастику, никогда не пьет, работает по 16 часов в день, учится заочно в каком-то институте, и уже лет пять как член партии.

В моем представлении еврей никак не мог быть железным человеком, но возразить было решительно нечего, и я согласился.

Про себя же подумал: «Юре уже тридцать два, а он только заканчивает институт. В моем распоряжении есть десять лет, и я тоже кое-что успею сделать».

Будущее видел блестящим и не сомневался, что окончу два института, и с такими способностями сделаю карьеру. Правда, успехи пока не впечатляли, этому имелось объяснение: если бы родители отдали меня учиться не музыке, а иностранным языкам, трудно представить, сколько бы этих языков я уже знал.

Примерно в это же время мною завладела мысль: «Достаточно уже было учителей в моей жизни, пора и самому стать лидером». Возникло желание помогать кому-то и быть хорошим и порядочным человеком в своих собственных глазах.

Николай, с которым подружился, ещё работая на севере и которого тогда вовлёк в карточную игру и подставил под неприятности, оказался одним из тех, кто верил мне и был готов принять мою помощь.

Проработав по распределению около двух лет, он вернулся в Москву. Разумеется, я сразу рассказал ему о работе в доставке и сколько денег можно заработать.

Но устроить его туда не удалось. Николай не скрывал, что он пил, да и вид его говорил сам за себя

– Не стану ручаться за него, – сказал Володя. – Больше всего они там, в конторе, боятся алкоголиков.

Мы с Николаем договорились, что он некоторое время поработает за меня, но заработком будет делиться.

Однажды он должен был принести деньги за проданные билеты, сумму немалую, почти двухгодовую зарплату рабочего. Прождал его около полутора часов. Появился он изрядно пьяным, хотя уверял, что выпил лишь кружку пива.

Мне захотелось доказать ему, что он лжет. Предложил пари. Я покупаю ему бутылку водки и, если он выпьет и дойдет до дома, плачу ему 50 рублей. Если не дойдет, платит он мне. Он согласился и выпил. На улице мы как-то нелепо потерялись. Больше я его никогда не видел. Случилось ужасное: он попал в вытрезвитель и там умер.

В вытрезвителе он назвал своей фамилией, сказал мой адрес. После его смерти милиция пришла ко мне домой. Моей матери намеками сказали, что со мной случилось несчастье, и повезли ее в морг на опознание. Трудно представить, что она пережила.

А через два дня мы с Женькой сидели на лавочке в метро, о чем-то разговаривали, смеялись, и вдруг, как из-под земли появилась мать Николая.

– Убили Кольку, а теперь смеетесь, – сказала она...

Мы в ужасе вскочили и убежали.

Произошло то, чего не хотел больше всего – держать ответ перед Колькиной матерью.

В те дни пытался осмыслить, что же произошло?

На короткое время будто кто-то дал мне такую возможность – увидеть себя со стороны, своё уродливое высокомерие, прикоснуться к ужасающей боли Колькиной матери. Всё случившееся обличало меня. Имя моё стало известно. Его мать, которая видела меня всего лишь раз, когда приходил к ним домой полгода назад, узнала меня, сказал мне в лицо, что я убил его. И это была правда. Удивлялся, каким образом она могла различить моё лицо среди множества лиц, когда проходила мимо лавочки, на которой мы сидели в переходе метро. Всё моё нутро содрогнулось на мгновение от мысли, что это никак не могло быть случайностью. За этим стояла какая-то доселе неведомая мне сила.

Обличение было настолько всепроникающим и точным, что мне захотелось спрятаться, тут же убежать от него, как убежал от матери Николая. Захотелось как можно скорее забыть обо всём.

Так получилось, что в то злополучное время, примерно в течение года, я потерял трех близких друзей,

Вторая потеря (она не обернулась трагедией) тоже связана с желанием, сделать добро.

Мой друг Анатолий, с которым я проучился четыре года в одной группе в музыкальном училище, не был пьяницей, и Володя без всяких сомнений устроил его в доставку.

– Пусть поработает сезон, а потом отдаст двести рублей для начальства, – сказал Володя.

После окончания сезона Анатолий, под разными предлогами, денег не отдал, пообещал рассчитаться в следующем году, как только начнет работать. На следующий год он успел поработать лишь месяц, и его уволили за обсчет заказчиков.

– Он же сам говорил, что собрал на «Жигули», возьми с него хоть что-нибудь, это же твой человек, – мягко наступал на меня Володя.

Анатолий жил за городом. Телефона у него не было, и я поехал к нему. Не застав дома, оставил записку, что я, мол, оказался между двух огней, так как поручился за него, и с меня требуют хоть какую-то часть денег.

Через неделю, придя вечером домой, я прочел оставленную им записку. В ней говорилось, что он, дескать, думал, что мы друзья. Но, к сожалению, ошибся. Из его послания стало ясно: денег он не отдаст, и видеть меня не желает.

...Из всех моих друзей Олег жил, пожалуй, в наиболее обеспеченной семье. Его отец был полковник или даже генерал. Жили в прекрасной квартире, в большом доме. Отец устроил его в МИФИ, один из самых престижных институтов Москвы. Но учебу на дневном отделении он не потянул, его перевели на вечернее. Тоже ничего не вышло. Тогда родители определили его в менее престижный институт, где, учитывая их связи, ему была гарантирована спокойная жизнь.

Но и там он не удержался, его отчислили за неуспеваемость. Пришлось пойти в армию. Прослужил всего несколько месяцев, и отец, используя связи, добился для него отпуска на десять дней. На второй или третий день пребывания в отпуске он с утра зашел ко мне и, не застав, пошел к Бобу (нашему общему другу). Вечером, довольно поздно, вернулся домой сильно пьяным. Лег спать. Ночью упал с постели, разбил голову и, не приходя в сознание десять дней, умер. Все попытки родителей спасти его жизнь оказались напрасными.

Ни у Николая, ни у Олега на похоронах я не был. Вкрадчивый голос, впервые возникший во мне во время поездки к Свете на Север, который нашёптывал тогда не торопиться с женитьбой, говорил мне теперь: «Что толку идти их хоронить? Они уже мертвы. Они умерли по своей вине, пьяницы. Ты же предупреждал их. Ты не такой. Ты знаешь меру. Тебе это не грозит. Они умерли, а ты наслаждайся жизнью. Ты талантливый, только верь в свою звезду, в себя, и ничего с тобой не случится».

Мечта сделать блестящую карьеру после того, как обнаружил в себе способности к языкам, жила во мне, не давая покоя.

«Надо обязательно поступить в юридический институт, – размышлял я. – Как-нибудь окончу его, буду знать законы, и куплю себе должность. В этой стране все продается».

Как и я, Женька полагал, что талантлив и непременно когда-нибудь станет великим. Сколько же времени за 12 лет нашей дружбы мы провели в разговорах о знаменитых художниках и композиторах, сколько спорили, что важнее: труд или талант, или что первично – материя или сознание...

Однажды я поделился с ним планами поступить в юридический институт.

– Поступи и ты в какой-нибудь гуманитарный вуз. Например, в исторический, – предложил я ему. – Сделаем карьеру, будем помогать друг другу. Заплатим кому надо, чтобы в партию определили.

– Что, перевернем эту страну? – язвительно спросил он.

Денег постоянно не хватало. В конце концов, под влиянием «железного» Юры, с которым меня познакомил Володя, я перешел на другую работу: бросил доставку, где уже восемь месяцев числился в штате, и стал разъездным билетным кассиром в поездах.

Магическое число «сто» (такой была прибыль в рублях за смену) подтолкнуло меня преодолеть страх перед недосыпанием. Однако скоро выяснилось, что я не могу привыкнуть спать в поезде. Очевидно голова после сотрясения мозга (когда в двенадцать лет упал на катке) тряску не переносила.

Днем же, если был выбор: сон или встреча с друзьями, всегда выбирал друзей. Учеба в институте оказалась на последнем месте. Однажды, пропустив три-четыре недели занятий, я понял, что подошёл к черте, которую переступать нельзя: в понедельник, во что бы то ни стало, пойду на лекции.

Но в понедельник ко мне зашел Женька и предложил «рвануть», уже не помню куда. С самым серьезным видом (ведь настраивал себя почти неделю) я объяснил, почему не могу, и он тут же согласился, добавив: «Знаешь что, выпьем по кружке пива и иди на лекции».

Меня чрезвычайно поразило, что в ту же секунду, когда первый глоток, едва миновав гортань, достиг пищевода, я превратился в другого человека, и уже знал, что в институт ни сегодня, ни завтра не попаду.

Женька по-прежнему играл на бегах. Видимо, его финансовые дела были хуже моих. Как-то раз даже одолжил у меня 300 рублей.

Он оставался единственным из друзей, который всегда находил время для встреч.

Я пытался копировать его, но безуспешно. Он был похож на Есенина, и его принцип – увидел, победил – работал безотказно. Почти каждую неделю рассказывал о своих победах.

Я же, как одержимый, повторял одно и то же действие: подходил к красивым девушкам, пробовал получить то, что хотел, и не когда-нибудь, а сегодня.

А ведь в музыкальной школе, где работал, позже в институте были женщины, которые давали понять, что интересен им, но серьезных отношений я боялся.

Прошло почти три года, как получил письмо от Светы, на которое так и не ответил. Иногда задавал себе вопрос, почему так поступил? Может быть, она попала в беду, и ей требовалась помощь? Но тут же возникала другая мысль: «Она всё придумала. Просто захотела отделаться от меня». «Впрочем, – рассуждал я, так, наверное, и лучше. Теперь я свободен от наваждения, которое называется любовью. Если бы женился, наверняка она родила, и это помешало бы моим планам. Нет, сначала окончу институт, стану богатым, достигну всего, что наметил, а там видно будет».

Сразу, как ему исполнилось 29 лет, Володя женился. За несколько месяцев до свадьбы он познакомил меня с невестой, худенькой симпатичной девушкой, примерно, моего возраста. Её звали Муся. Не знаю почему, но, когда он представлял меня, я здорово покраснел.

Из ста пятидесяти приглашенных гостей я, наверное, оказался единственным русским. Было много молодежи, особенно со стороны родственников невесты. Все подходили и поздравляли молодоженов.

Помню, улучив момент, тоже подошел к Володе и сказал ему: «Сегодня я непременно напьюсь».

Мы оба понимали: в этот день подведена какая-то черта и в его, и в моей жизни.

После свадьбы Володя из Лосинки переехал в Коптево, к жене. Мы уже не были соседями, которые запросто могли зайти друг к другу, виделись теперь гораздо реже. И, самое главное, его Муся ждала ребенка.

Как-то раз мы встретились с ним. Я или выпил не в меру, или поделился с ним планами, как с риском заработать деньги, он же прищурился, будто посмотрел на меня издали, с грустью сказал:

– Что же с тобой будет?

Я и сам порой чувствовал, что попал в какой-то водоворот. Постоянное недосыпание, вино, бесконечная охота за женщинами изматывали, отодвигали все планы. К тому же, кто-то из друзей дал мне цветной порнографический журнал, который усердно прятал от родителей. Он пожирал мозги. Понимая это, без конца клялся: «Вот с понедельника начну новую жизнь». Но проходил один понедельник, второй, третий, а водоворот всё глубже затягивал меня...

Сейчас, когда вспоминаю то время, жгучий стыд пронизывает насквозь.

Не было случая, чтобы из своих шальных денег, которые уходили на чаевые, такси и рестораны, когда-нибудь хоть копейку принес в дом, или сделал подарок родителям на день рождения, или просто купил продукты. Не припоминаю, чтобы когда-нибудь помог маме по хозяйству. Увы, не помню.

Много раз слышал, что люди, побывавшие в состоянии клинической смерти, видят, как в кино, отдельные эпизоды своей жизни. Я знаю наверняка, случись такое со мной, обязательно увижу себя сидящим на лавочке в саду около нашего маленького дома, где прошла юность. Увижу мать с отцом, собирающих сучья и листья для костра. Между ними и мной плывет дым и, прищурив глаза, смотрю на них, и за дымом они как бы отдаляются от меня. Их силуэты расплываются. Возникает мысль: «То, что я сейчас вижу, навсегда останется в памяти».

Мать с отцом кажутся мне сильно постаревшими, нежность и раскаяние растекаются по моей душе.

Я думаю: «Как же быстро бежит время, – ведь треть жизни уже прожита».

Какое-то неуловимо-новое ощущение касается меня: я будто бы впервые смотрю на себя, на свою жизнь со стороны. Где-то в дальнем уголке сознания связываю все, что вижу и чувствую, с чертой или переменной в моей жизни.

В Псалмах царя Давида есть такие строки:

«Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был в глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было» (Пс. 138:15, 16).

Как понять, как представить и объяснить, что жизнь каждого человека на земле, даже еще не родившегося, от первого до последнего дня уже известна Богу?

Далее, в конце этого же псалма Давид, обращаясь к Всевышнему, просит:

«Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои. И зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный» (Пс. 138:23).

Непостижимая, но это так. Человек предстает перед Творцом одновременно как бы в тройственном состоянии. В вечности его конец известен, в земной жизни он может стать на опасный путь или на путь вечный. Причем, Господь из вечности может испытывать человека, раскрывая его помыслы, наставляя на путь, который приведёт его домой, к Богу. И все живущие на земле – участники этого непостижимого процесса.

Интересно, какие мысли овладели мною, если бы кто-то дал мне прочесть этот псалом Давида в годы бесшабашной юности, когда мы всей нашей компанией ежедневно собирались в скверике, делили дармовые деньги и пили водку.

Наверное, спросил бы: «Если Бог есть, почему же в моей жизни Он Себя никак не проявляет, не испытывает меня?»

Твое место здесь или – под звездой, которой не было

«Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья – размышляй; то и другое сделал Бог, чтобы человек ничего не мог сказать против него».

Екклесиаст. 7:14

Солнечным апрельским днём в прекрасном настроении я ушел из родительского дома, не зная, что уже никогда больше не вернусь в него.

Накануне познакомился с девушкой. Как и мою северную любовь, её звали Светлана. Она была откуда-то из Ставрополя, в Москве проездом, через два дня собиралась уезжать. Мы договорились встретиться на следующий день. Этот следующий день, 8 апреля 1971 года, в корне изменил мою жизнь.

Не стану описывать, что произошло, скажу только, что ничего более скверного в жизни ни до того дня, ни после – не совершал.

Тот день закончился для меня в камере отделения милиции, куда был водворён по обвинению в изнасиловании.

Из милиции мне удалось позвонить Володе на работу. Он понял меня с полуслова. Это был единственный человек, который мог сделать то, что я задумал: найти Свету и уговорить ее изменить показания. Я знал, что у нее был билет на поезд, знал, когда и с какого вокзала уезжает, и номер вагона.

Володя не пошёл в больницу к жене, которая вот-вот должна была родить, Он приехал на вокзал за час до отхода поезда, нашёл Свету. Не представляю, какими словами он убедил её сойти с поезда и поехать к моей сестре. Света согласилась забрать заявление, но когда пошла к следователю, тот предупредил ее об ответственности за дачу ложных показаний, и она попросту побоялась.

Что ж, видно, для того, чтобы осуществились все дни и встречи, для меня назначенные, необходимо было познакомиться и с капитаном Пиксиным.

Целый день я ждал этого момента, и вот он! Я на нарах. Натягиваю на себя одеяло, ничего не вижу, мне тепло, мозг отключается ото всего того, что видел и слышал в течение дня. Расслабляюсь. По опыту знаю – это приятное расслабление длится какие-то ничтожные секунды, но они мои, у меня никто их не отнимет.

Проходит полминуты, минута. Ощущаю голод и начинаю думать о еде, о чем-нибудь, что съел бы с аппетитом – об обыкновенной (не гнилой) картошке, о манной каше, которую варила мне мать, а я отказывался есть, не любил. Знаю, что внизу, в тумбочке лежит хлеб, но он настолько сырой, противный, что невозможно подумать о нем без отвращения. Из двух зол выбираю меньшее – лучше заснуть голодным.

Чувствую, во мне начинает шевелиться злоба. И вот уже перед глазами образ ненавистного капитана Пиксина. Сытый, самоуверенный, всех видящий насквозь, всегда правый, он обыскивает меня, выворачивает карманы, достает письмо матери, читает и смеется, заставляет дышать. Знаю, он презирает меня. А я ненавижу его и боюсь. Это невозможно скрыть, он это видит. И все в нем говорит: «Подожди, ты у меня еще попляшешь». Нисколько не сомневаюсь, так оно и будет.

«Надо его убить, но как? Может быть, отравить, когда он придет есть в столовую? Эх, если бы у меня был пистолет с глушителем! Он же везде ходит, никого не боится. Ну, подожди, выйду, вернусь сюда, за все с тобой рассчитаюсь».

Капитан Пиксин, с которым я мысленно разговаривал перед тем, как заснуть, был дежурным помощником начальника колонии. Если бы проводились соревнования по его профессии, его имя стало известно всей стране. Цепкий взгляд, всегда подтянут, идеально выбрит, в

начищенных до блеска сапогах. Его портрет можно было, безо всяких изменений и дорисовок, поместить на любой плакат, призывающий к борьбе с преступностью.

Перед выходом на работу он приводил в порядок не только свой внешний вид, наверняка ещё тренировал память, уточняя клички, статьи, продолжительность срока сотен осужденных. А ведь ежедневно кто-то освобождался, кто-то прибывал, и этот процесс усвоения новой информации и стирания из памяти ненужной был для него, как постоянное домашнее задание.

Любимая его погода – лютый мороз или проливной дождь. Именно в такую погоду ему доставляло особое наслаждение доказать, как глубоко заблуждаются все надеющиеся на то, что он из штаба не выйдет, а будет пить чай в своем кабинете.

Одиннадцать лет занятий музыкой как нельзя лучше пригодились мне в лагерной жизни. Сразу же по прибытии меня спросили, кем работал, чем занимался, сказал, что преподавал в музыкальной школе.

В изоляторе, куда помещают всех вновь прибывших, ко мне подошел мужчина лет сорока пяти. Он поинтересовался, где я учился, назвал фамилии нескольких знакомых мне преподавателей института. Мы поговорили всего несколько минут. На следующий день в нарядной мне объявили, что направляют в пятый отряд, в бригаду, которая строила жилые дома.

В тот же день я ближе познакомился с Дмитричем. Так звали мужчину, который накануне разговаривал со мной в изоляторе. Он тоже был москвичом и числился в пятом отряде. Отбывал пятнадцатилетний срок за получение взяток. В зоне был заведующим клубом и столовой одновременно.

Когда мы пришли в клуб, Дмитрич достал баян, и я, хоть и не держал инструмент почти четыре года, все же что-то смог сыграть.

Оказалось, бригада, в которую попал, считалась одной из самых бандитских, да и работа была тоже самая тяжелая.

«Будь что будет», – подумал тогда, ложась спать и лоя на себе ничего хорошего не предвещавшие взгляды ребят, с которыми предстояло ехать на объект.

Наутро, минут за пять до подъема, кто-то толкнул меня в бок. Проснувшись, увидел Дмитрича.

– Знаешь, – зашептал он мне в ухо, – я договорился: ты в бригаду не пойдешь, нечего тебе там делать, после проверки чеши ко мне в клуб.

Это пробуждение, безусловно, оказалось наиболее приятным за прошедшие полгода. В тот же день я стал помощником повара.

Работа вначале показалось особенно тяжелой. Повар, к которому попал в подчинение, конечно, видел, какой я работник. Сказать, что не хочет меня брать, он не мог, но решил поблажек не давать. В третью или четвертую смену что-то было не в порядке с котлом, поэтому всё сбилось с графика. Я здорово устал и очень хотел спать: ведь как-никак проработал целые сутки. Часа за три до окончания смены повар объявил, что будет проверка, поэтому не как всегда, а самым тщательным образом надо вымыть пол всей столовой и соскоблить засохшую масляную краску вдоль плинтусов, особенно в углах и под котлами.

Ни после ареста, когда всю ночь проходил по камере предварительного заключения, ни после объявления приговора, я не переставал верить в свою звезду, что каким-то образом все разрешится. Ведь лагерь не для меня, это не моя судьба.

Именно в тот день, когда без сил стоял на коленях в углу, соскребая краску с пола, впервые в жизни, на каком-то совершенно новом уровне сознания, ко мне пришла мысль, что никакой звезды, светившей мне одному, не было. Я почувствовал себя крошечной частичкой огромного мира, в котором загнан в угол, поставлен на колени, сломлен. Даже повар, который все время делал мне замечания, не вызывал раздражения. «Все правильно и справедливо, – смирился я тогда. – Повар здесь не причем. Это расплата, и никуда я отсюда не выйду».

Приблизительно, тогда же во мне снова возник голос, когда-то по-дружески обещавший, что ничего не случится. Он совершенно преобразился, но я сразу узнал его. Вбивая в меня слова, как гвозди, он отчеканил: «Возомнил, что ты талант? Ведь и мать, и сестра предупреждали тебя, что этим всё кончится. Да ты – дерьмо, твоё место здесь. Неизвестно, выйдешь ли ты отсюда вообще». Сказал, будто навсегда захлопнул дверь камеры и пропал.

Через две-три недели работы на кухне отношения с Дмитричем стали ближе и доверительней. Он рассказал мне о своих проблемах. Нарядчик всеми силами старался выжить Дмитрича из столовой и поставить своего человека. Он родился и вырос в соседнем городе, многих офицеров, контролёров и капитана Пиксина знал еще на воле. В этом была его сила. Дмитрич же был силен тем, что его друг работал в обкоме партии и несколько раз приезжал к нему на обкомовской «Волге». Это производило впечатление на начальника колонии и замполита.

Через некоторое время положение Дмитрича осложнилось. Кто-то подбросил в котел кусок щетины. Во время завтрака её обнаружили в бачке с кашей. О случившемся мгновенно доложили начальству. Как назло (а, может быть, так и было задумано) начальник колонии оказался в отъезде, а замполит один Дмитрича отстоять не мог. В результате из столовой ему пришлось уйти.

А дней через десять мне представился случай увидеть капитана Пиксина в работе. Была моя смена в столовой. Еще днем Дмитрич дал мне ключи от клуба (клуб и столовая находились в одном здании) и попросил принести ночью в его кабинет котлеты, которые ему обещал нажарить повар. Я в точности исполнил его просьбу.

Хорошо помню, в ту ночь был сильный мороз, и все окна на кухне полностью заиндевели. Около трех часов ночи раздался страшный стук в дверь и крики немедленно открыть.

Ключи от обеих дверей клуба лежали у меня в кармане, инстинктивно сразу же нащупал их, в тот же миг подумал: «Вдруг обыщут? Как отвечу, что это за ключи?» Выбежав в коридорчик, который вел к входной двери, я заскочил в каптерку и сунул ключи в карман одного из висевших там халатов.

– Почему так долго не открывал? – закричал вошедший контролер.

А еще через мгновение откуда-то из-за угла выбежал капитан Пиксин. Он тут же обыскал меня с ног до головы, несколько раз спросил, почему не сразу открыл дверь, затем методично стал осматривать все помещения, прилегавшие к коридорчику. Нашел ключи, какое-то время смотрел на них. В этот момент я ощутил себя на месте ключей: еще мгновение, он сожмет ладонь и раздавит меня. «Догадайся он, откуда они, он уничтожит меня, да и Дмитричу несдобровать».

– Это что за ключи, Жданов? – спросил он повара.

– Не знаю, гражданин начальник, – пожал плечами повар.

– Выясни и доложи после проверки. Смотри у меня, – пригрозил ему капитан Пиксин.

Только потом понял, что он проделал «глазок» в заиндевевшем окне, чтоб наблюдать за мной. Заподозрил что-то неладное и дал знак контролеру стучать как можно сильнее, сам же наблюдал за моей реакцией.

С того дня, перед тем, как заснуть, я непременно мысленно разговаривал с капитаном.

Сон – миг, несравненно более короткий, нежели то блаженное расслабление, когда забираешься под одеяло. Закрываешь глаза в ожидании сна и незаметно проваливаешься в небытие. Сон приятен именно ожиданием его. Но за приятное надо платить, и расплата наступает мгновенно.

Первые годы в лагере, едва просыпался, пронзала мысль: «Где я? Нет, этого не может быть!» И пока до меня доходило, где все-таки нахожусь, так же остро, как в первый раз, переживал позор, унижение, безысходность, угрызения совести, злобу на всех и на себя за крушение планов и надежд, за вину перед родными и нежелание их видеть. И такое пробуждение пришлось пережить сотни раз.

Потом внутри возникает вьедливый занудный голос, который слышишь только ты. Он постоянно зудит, ни привыкнуть к нему, ни выключить – невозможно. Его нытьё ощущаешь физически. Он ежесекундно напоминает: «Ты – здесь, в клетке, ты неудачник, ты – ничтожество, ты – насильник, таких, как ты, здесь очень любят. Ты будешь здесь всегда. Смирись, так будет легче».

И, действительно, начинаешь думать, что ты жил здесь всегда, что прошлого у тебя и не было.

Каждый день тянется чрезвычайно долго, словно это не день, а год. Когда же оглядываешься назад, все настолько серо и однообразно, что, кажется, будто весь год был как один день. Это сбивает с толку, запутывает, время не поддается разуму, оно становится как бы живым существом, способным увеличиваться, растягиваться, останавливаться и даже идти в обратную сторону; ощущаешь себя полностью в его власти...

К новому году Дмитрич окончательно убедил замполита, что я нужный для клуба человек. И меня сделали библиотекарем. Новая работа, в сравнении со столовой, была просто райской. Не надо чистить лук, картошку, скоблить котлы, мыть полы. Подчинялся только замполиту. Днем, во время пересменок, можно было просто закрыть библиотеку и, положив под голову книги, поспать. Встречая меня, многие останавливались и, улыбаясь, просили дать почитать что-нибудь интересное.

Безусловно, я понимал, что успехами по «службе» обязан Дмитричу. Мне он казался самым умным из тех, кого когда-либо встречал в жизни. Никогда не слышал, чтобы он планировал сделать кому-либо неприятности. А ведь ему достаточно было в присутствии «нужного человека» просто высказать своё отрицательное мнение о ком-либо, чтоб усложнить тому жизнь. Если человек делал ему зло, он не мстил, а просто переставал ему помогать. Когда же Дмитрич вспоминал о жизни на воле, имена министров, начальников главков и партийных секретарей, которых лично знал, называл так же легко, как я имена футболистов класса «А».

Через год, используя прежние связи, ему удалось перебраться в колонию неподалеку от Москвы. Для его семьи – жены и двух сыновей – это было значительным облегчением. Большая разница – ездить несколько раз в год за Урал или в подмосковный город Тверь.

После отъезда Дмитрича замполит поручил мне временно исполнять обязанности заведующего клубом.

Не припомню, чтобы за время работы в библиотеке я прочел хоть одну книгу. Интерес к чтению у меня отсутствовал напрочь. Однажды замполит вызвал меня и вместе с десятком других книг дал несколько экземпляров «Комментариев к уголовному кодексу РСФСР».

– Читать их никому не давай, – предупредил замполит, – поставь на них штамп и держи где-нибудь в сторонке. По распоряжению из управления юридическая литература всегда должна быть в наличии, – добавил он. Но именно эти книги я стал читать.

Не прошло и двух дней, как я пришел к выводу, что ничего интереснее в своей жизни не читал. По этой книге выходило, что не только я и все сидящие в лагерях, но и вообще все люди – преступники. Просто не подошло время их арестовать.

В течение года я ежедневно, по несколько часов, изучал «Комментарии» и перечитывал юридические журналы, имевшиеся в библиотеке.

Моя старшая сестра (ей в то время было 36 лет) не пропустила ни одного положенного мне свидания. Три раза в год она приезжала за две тысячи километров, привозя неподъемные сумки и чемоданы. Ни от нее, ни от родителей ни разу не слышал упреков. Лишь однажды на свидании она вспомнила, как ещё до моего ареста они с матерью сошлись во мнении: «Лучше бы он умер или погиб. Месяц-другой поплакали бы и успокоились».

Кроме продуктов, сестра привозила все, что я просил для клуба и библиотеки – ноты, гитарные струны, микрофоны, фломастеры, даже портреты членов Политбюро. После прове-

рок из управления, замполит не скрывал своего удовлетворения: наглядная агитация была на высоте.

Особенно доверительные отношения возникли у меня с замполитом совершенно неожиданно, после бессонной ночи, которую довелось провести. А дело было так...

В лагере отбывал наказание один узбек. Все считали его очень богатым, потому что он сидел за крупное хищение. Однажды у него было свидание, и он попросил контролера Васю вынести ночью из комнаты свиданий несколько сумок с продуктами, которые ему привезли. Положить их было некуда, поэтому решили временно спрятать в библиотеке.

Каким-то образом это стало известно заместителю начальника по оперативной работе. Утром в библиотеке сделали обыск. Мне крупно повезло: контролер, проводивший обыск, нашел всего лишь несколько пачек чаю и пару узбекских лавашей.

Замполит сразу же вызвал меня к себе и потребовал объяснения.

– Тебе ничего не будет, – пообещал он. – Только скажи, кто из контролеров вынес продукты из комнаты свиданий.

– Гражданин начальник, – стал я излагать свою версию, – да это же мой чай, всего десять дней назад сестра привезла мне его на свидание.

– А узбекские лепешки тебе тоже сестра привезла? – с явным раздражением почти прокричал замполит.

– Лепешки тоже...

– Знаешь, – перебил он, – даю тебе время подумать до завтра. Если утром не скажешь правду, пойдешь работать в бригаду, и с первым же этапом отправлю тебя в лес.

Несколько секунд мы молча смотрели друг другу в глаза. Капитан Мозговой (так звали замполита) знал, чего я боялся больше всего.

Когда находился ещё на пересылке в Свердловске и не знал, в какую колонию меня отправят, в камере сдружился с одним парнем, который шёл из лесной зоны.

– Если попадешь в лесную командировку, держись, – наставлял он тогда. – Как бы тяжело тебе не было, смотри, не вздумай ломать себе руки или ноги, чтоб попасть в больничку.

– Неужели там, действительно, так тяжело? – недоверчиво спросил я.

И он рассказал:

– Уж на что я здоров был. Представь, чемпионом по боксу в тяжёлом весе был, думал, мне всё ни по чьём, а в лесу сломался. Голодали так, что однажды нашли поганки – знали, что поганки – но сварили и съели. Когда отец приехал ко мне на свидание через восемь месяцев, увидев меня, он заплакал.

Вернувшись в барак от замполита, в ту ночь я долго не мог заснуть. «Сказать – значит преступить барьер, которого еще ни разу в жизни не переступал. Всем станет известно, что я сдал узбека и контролера Васю. Но если отправят в лес, досрочно уже никогда не освобожусь, усилия сестры и родителей пойдут прахом».

Перед глазами в который раз всплыло последнее мгновение разговора с капитаном, когда наши взгляды встретились. Мне показалось, в его взгляде были одновременно вопрос и ответ: «Выстоишь? – Если выступишь, я буду доволен».

Однако, чуть позже, хоть и косвенно, я все-таки стал доносчиком.

Вскоре после того, как Дмитрича перевели в Тверь, заведующим клубом назначили Алексева. Я очень сдружился с ним. В «той» жизни он окончил юридический институт и работал на какой-то должности в прокуратуре. Был чрезвычайно серьезным, дисциплинированным и работоспособным человеком. Все дела клуба были у него в идеальном порядке. Кроме того, он еще успевал делать различные контрольные работы и писать рефераты за нескольких офицеров, заочно учившихся в юридическом институте.

Не помню уже, из-за чего у него произошла стычка с капитаном Пиксиным, но они стали лютыми врагами.

Спустя несколько дней Алексеев объявил мне, что решил написать жалобу на капитана Пиксина в Прокуратуру РСФСР. А еще через неделю-две у него созрел новый план: писать жалобу на всю администрацию колонии и предъявить ультиматум – либо они его выпускают, либо он дает этой жалобе ход.

Я попытался отговорить его, но он был полон решимости. Помню, подумал тогда: «Этот год, точно, серым и скучным уже не будет».

И хотя весь собранный им компромат был чистой правдой, у него не было свидетелей подтвердить его. Наверняка не нашёлся бы такой смельчак. Например, он писал, что Пиксин посадил в изолятор хромого, тщедушного паренька из-за того, что тот не выполнил дневную норму по вязке сеток. «Да и как он мог выполнить эту норму, – писалось в жалобе, – когда у него все сетки, даже еще недовязанные, отнимали те, кто посильнее. Паренек повесился в изоляторе. А ведь ему оставалось до освобождения всего два дня».

Кто бы подтвердил такое?

Или еще пример. Пиксин как-то объявил, что никакой еды из столовой выносить он не позволит. И если же кто-то попадался ему с миской супа, этот суп он сам и не однажды прилюдно выливал нарушителю в штаны.

Подобных фактов в жалобе было много, но кто-то же должен был их подтвердить.

Я сам однажды видел из окна библиотеки, как днём, когда все были на работе, Пиксин подвёл кого-то к территории изолятора и позвонил, чтобы открыли калитку. Неожиданно парнишка, которого он хотел посадить, видно, испугавшись, стал отчаянно упираться и упал на землю. Пиксин оглянулся по сторонам. Я сразу же присел на корточки и уже сквозь щёлочку в занавеске продолжал наблюдать за происходящим. Не увидев никого, он несколько раз с силой ударил паренька правой ногой. Потом узнал, что он выбил ему зуб. Но подтвердить это – такое не приснилось бы мне даже в страшном сне.

Доказательства – как с неба свалились.

Однажды в библиотеке ко мне подошел паренек. Он был единственным из осуждённых, который работал в бухгалтерии. В разговоре незаметно стал жаловаться на начальство. Его, мол, обещали освободить досрочно и «кинули». Рассказал, что сделал десятки копий липовых нарядов, и теперь, хочет насолить начальству, но не знает как.

Мне не оставалось ничего другого, как направить его к тому, кто знал, как насолить. Что я и сделал.

Жалобу, написанную на пятидесяти листах, я отдал сестре на свидании и попросил до моего сигнала в прокуратуру не отсылать.

А на следующий день Алексеев предъявил начальству свой ультиматум. С этого момента радиорупор в колонии не умолкал: «Заклоченный Алексеев, явиться к начальнику колонии!», «Заклоченный Алексеев, явиться к замполиту». Его вызывали в штаб по пять-десять раз в день. Он оказался в самом центре внимания, десятки глаз следили за каждым его шагом и действием, особенно за тем, с кем он общается.

Когда нам удалось поговорить наедине, он предложил:

– Конечно, я понимаю, ты рискуешь. Я-то знаю, чего добиваюсь, а ты? Пойди к замполиту и пообещай ему постараться узнать, что я написал про него в жалобе. Он наверняка это оценит.

Замполит, внешне и не проявил интереса к моему предложению; но, когда, через несколько дней, пришел к нему с «добытой информацией», выслушал меня с большим вниманием.

Вскоре Алексева посадили в штрафной изолятор. Замполит же, вызвав меня, сказал, чтобы я снова временно исполнял еще и обязанности заведующего клубом.

Какое-то время я прятал в укромном месте над дверью копию жалобы, затем разорвал ее и выбросил в туалет. На следующий день капитан Пиксин сделал обыск в клубе. Встав на табуретку, он тщательно прощупал то место, где еще вчера была спрятана жалоба.

Все в колонии считали, что у него особое чутье, особый нюх. Представляю, каким бы удовольствием было для него лишний раз подтвердить эту репутацию: найти и положить на стол начальника жалобу, а незадачливого библиотекаря, до выяснения обстоятельств, водворить в штрафной изолятор.

В изолятор он посадил меня лишь однажды – за опоздание на проверку. Случилось это в субботу, когда никого из начальства, кроме него не было.

На дворе стоял холодный уральский март месяц и контролер, видимо, пожалел меня и не снял меховую безрукавку, которую я носил под хлопчатобумажной курткой. Эту безрукавку передал через сестру друг моего детства Рязанчик, и она здорово выручала меня в зимнее время.

В одиночной камере, куда меня поместили, было по-настоящему холодно. Помню, я подумал тогда: «Что бы я делал без этой безрукавки?»

За две бессонные ночи, проведенные в ШИЗО (в понедельник, как только вышел на работу замполит, меня сразу выпустили) мне удалось забыться сном в общей сложности на полчаса или час. Тогда-то я и ответил себе на вопрос: почему многих ребят, отсидевших 15 суток в изоляторе, иногда сразу и не узнать в лицо.

В день приезда комиссии из Москвы я случайно оказался в штабе. Начальник колонии и его заместитель по режиму, кабинеты которых были почти рядом, разговаривая по телефону, так кричали друг на друга, что слышно было, по-моему, в отрядах. Если кто и не слышал, дневальные, конечно же, всем передали их разговор.

Кончилась эта история тем, что в журнале «К новой жизни», который распространялся по всем колониям страны, появилась заметка «Клевета». В ней упоминалась и моя фамилия. Ведь я, вместе с другими осуждёнными, засвидетельствовал перед комиссией, что все написанное в жалобе – ложь. И это была единственная правда в заметке, всё же остальное вкратце выглядело так: осуждённый Алексеев, исполнявший обязанности заведующего клубом, в нарушение режима содержания, носил телогрейку не чёрного цвета, как положено, а синего. Какое-то время начальство колонии закрывало глаза на это нарушение, и Алексеев возгордился, возомнил себя не таким, как все. Когда же капитан Пиксин потребовал от него нарушать форму одежды, осуждённый Алексеев начал писать на администрацию колонии клеветнические жалобы. В конце заметка призывала администрации всех колоний строго соблюдать режим содержания осуждённых и не давать никому никаких поблажек, независимо от выполняемой работы.

Алексеева же первым этапом, прямо из изолятора, отправили в лесную зону.

Через полгода сестре удалось добиться в Управлении лагерями моего перевода в Тверь, в ту же колонию, где находился Дмитрич.

Перед самым отъездом, когда я сдавал дела, замполит сказал:

– Мне нравилось, как ты работал, хотя, говорят, помогал Алексееву писать жалобу, продукты из комнаты свиданий выносил, даже в карты поигрывал.

– Да, гражданин начальник. Вы же знаете, как москвичей здесь любят, они же просто...

– Да вот и я им тоже сказал, – перебил он меня, – а доказательства у вас есть?

Этап. Переполненные вагоны, бесконечные обыски, солдаты с собаками, многодневные ожидания, когда же выкликнут твою фамилию, напряжение от неведения, что случится в следующую минуту...

Вместе со мной в большую сборочную камеру только что затолкали человек пятьдесят-семьдесят. Нет ни новичков, ни старичков, никто никого не знает. Проходит минут десять, и вот уже образовывается несколько групп. Затем человек шесть садятся за стол посреди камеры, остальные, не разговаривая друг с другом, стоят вдоль стен.

Еще через полчаса, поглядев на сидящих за столом, никак не скажешь, что они только что познакомились. Звучат имена, клички, названия лагерей, где сидели, фамилии начальников. И

вот у них появляется лидер – высокий парень лет тридцати-тридцати пяти с лицом восточного типа.

– Ну что, мужики, в углы позабывались? – спрашивает он. В его голосе чувствуются власть и сила, и звучит он, как в тишине театрального зала, доходя до каждого уголка. – Сейчас казаков созову, сабли наострю...

Я знаю, он обязательно подойдет ко мне: ведь ни у кого ничего нет, а у меня две большие сумки. Через некоторое время он, действительно, подходит ко мне. Безо всяких угроз начинает расспрашивать, кто я, кем был в лагере, какая статья, какой срок.

Дальше происходит то, чего со мной никогда не случалось ни до этого разговора, ни после. Верхняя губа начала дергаться, я почувствовал, что не в силах закрыть рот. Так и стоял с открытым ртом.

– Ты что, земляк, такой нервный? – спросил он.

В тот момент я наконец-то смог закрыть рот. Он спросил ещё о чём-то и отошел. Вероятно, я показался ему психически ненормальным. Может, это меня и выручило?

Странно, ни родные, ни друзья мне не снились, я спал всегда очень крепко. Но регулярно, раз в три-четыре месяца мне снилась моя первая северная любовь. Сновидение всегда было одним и тем же: я ехал ее искать, мне говорили, что она в другом месте, но и там я ее не находил и во сне не видел. В конце концов, результатом этих сновидений стало решение написать ей. Никогда не записывал ее адрес, не пытался запомнить его, но он вдруг всплыл в памяти, хотя после нашей последней встречи прошло около девяти лет.

Через месяц пришел ответ, но не от нее, а от ее подруги. Письмо было туманным, его суть сводилась к тому, что она меня помнит, но сейчас временно живет в другом городе и ей, при случае, сообщат мой адрес.

Почему-то заподозрил, письмо от имени подруги написала она сама. Такая «игра», как мне казалось, была в ее характере. Но какое пламя вспыхнуло во мне! Сколько воспоминаний, сомнений и догадок породило оно! Я советовался с друзьями, подробно рассказывая каждому о всех тонкостях наших отношений, и всем задавал один и тот же вопрос: «Сама она ответила или нет?» Мнения были разные, и это разжигало меня еще больше.

Теперь прошлое целиком занимало мое воображение. Мысли – «а счастье было так возможно», близко, и все в моей жизни могло пойти по-другому, не будь я таким глупцом, стали терзать меня постоянно.

Спустя несколько дней написал ответ. Эти три слова – «она вас помнит» – сделали меня буквально одержимым. Второе письмо, которое просил передать ей, было письмом безумца. Я объяснялся в любви, говорил, мне все равно, где жить, лишь бы с нею. И сам верил в это, как и в то, что впереди у меня еще пять лет такой переписки.

А на какие вдохновенные строки оказался способным мой воспаленный ум! Наверно, именно тогда окончательно укрепился во мнении – мне обязательно надо попробовать писать.

Ответ пришел только месяца через два. Когда распечатывал конверт, руки тряслись, как у алкоголика, держащего стакан водки. На сей раз послание было от... ее мужа. Он не угрожал, скорее укорял, что я разбередил ее душу, и это жестоко. О себе сообщал, между прочим, что не особо удачлив, золотых гор ей не дал.

Меня стала мучить мысль, что мои письма к ней не попадают, меня кто-то разыгрывает. Недолго думая, отправил еще одно письмо с кучей дурацких вопросов, они касались наших отношений, о них знала только она.

В ожидании ответа превратился в лунатика, со всеми мог говорить только на одну тему.

Третье письмо, наконец-то, было написано ею. Ни на один из моих вопросов не ответила, но прислала фотографию, которую я просил еще в первом письме. Фотография была очень маленькой и выцветшей.

Писала, что ей уже двадцать девять, давно замужем, у нее есть семилетняя дочка и, вообще, в жизни у нее много чего было и вряд ли между нами что-либо возможно.

В её ответе уловил оттенок сожаления. Тут же написал ей, что её прошлое не имеет для меня никакого значения, сам я во сто раз хуже. Всегда буду любить её и дочку. Выслал ей бандероль, где вместе с письмом послал кассету.

Дело в том, что о моей переписке знали уже пол-лагеря. Лагерный поэт написал стихи, музыканты сочинили мелодию, и получилась песня, которую я записал на пленку. Припев там был такой:

Нет, я вернусь, хотя бы для того,
Чтоб станцевать с тобой последний танец.
Ведь это память, прошлое моё,
Моя любовь, по имени Светлана...

Теперь-то знаю, что главное

«Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего ещё не знает так, как должно знать.»

Первое Коринфянам, 8, 2

Родные не прекращали попыток вырвать меня из лагеря: искали человека, который помог бы в этом.

Муж моей сестры работал таксистом, и однажды вез мужчину, который оказался профессором Института международных отношений. Они обменялись номерами телефонов. Вероятно, Юрию Вадимовичу (так звали профессора) понравилась обязательность моего зятя, и он часто звонил ему, когда требовалась машина. Профессор не скрывал, что имеет обширные связи, поэтому сестра сделала все возможное, чтобы сблизиться с Юрием Вадимовичем. Несколько раз приглашала его в гости, познакомила с матерью. Когда они рассказали ему обо мне и попросили помочь, он пообещал посодействовать попасть на прием в отдел помилования Президиума Верховного совета РСФСР.

Прошел год. Сестра почти потеряла надежду, но все равно продолжала напоминать о себе каждый месяц, и всякий раз профессор просил подождать. «До тех пор буду звонить, пока ни скажет “нет”» – говорила она.

На прием в отел помилования отец с матерью пошли вместе. Отец, после инсульта, когда сильно волновался, не мог говорить, поэтому в последний момент решил в кабинет не входить, подождать в коридоре. Мать же приготовила большую речь, но разрыдалась и не смогла произнести ни слова.

Ее слезы и терпение сестры вырвали меня из лагеря почти на четыре года раньше срока. Мама особенно тяжело пережила случившееся со мной.

Не помню, когда именно – во время одного из свиданий или уже после моего возвращения – она сказала, что считает себя виноватой в случившемся со мной, что это наказание от Бога. В подтверждение поведала историю, которая произошла с ней давным-давно.

В самом начале войны ее вызвал оперативный работник НКВД.

– Мы знаем, – сказал он, – что ваша свекровь – немка, знаем, что у нее два сына на фронте. Мы к ней никаких претензий не имеем. Нас интересует её знакомая. Вы должны сблизиться с ней. Вы работаете шофёром, привезите ей дрова. Мы дадим вам дров. Постарайтесь узнать, как она настроена.

Мать рассказала мне эту историю только один раз, всех деталей не запомнил, не помню, и как объяснила свое согласие выполнить их задание. Кажется, намеревалась дать какую-нибудь пустяковую информацию, просто чтобы отделаться. Представляю, что она испытывала. Немцы приближаются к Москве. Свекровь – немка. Среди знакомых есть немцы. Повсюду ищут шпионов и диверсантов, при малейшем подозрении можно поплатиться жизнью.

Мать сделала все, как велел оперативник. Два-три раза привезла дрова той женщине. Завела разговор «по душам», спросила, что она будет делать, если в Москву войдут немцы. Женщина сказала, если её возьмут на работу, станет делать для них все, что сможет – стирать белье, готовить, убирать.

Через месяц оперативник вызвал мать вторично, и она сказала, что ничего подозрительного не заметила, но в точности передала разговор с той женщиной. По требованию следователя она дала письменные показания.

– Через некоторое время, – рассказывала мама, – я узнала, что той женщине дали десять лет. Меня даже не вызвали на суд, не знаю ее судьбы. Возможно, я сгубила ее. Вот и думаю: то, что случилось с тобой, – наказание от Бога за мой великий грех.

Видно, повторившееся и в моем приговоре число «десять» стало для нее печатью Божьей кары, в ожидании которой она прожила тридцать лет.

Моя память навсегда запечатлела мать во время объявления приговора. Казалось, какая-то сила тянула её вниз, в пучину, а она судорожно старалась, схватить глоток воздуха, и не могла.

Я поклялся сделать для матери все, что в моих силах. Чувствовал себя в неоплатном долгу перед ней. Ко мне вернулись детская нежность и любовь.

Что же, может быть, с философской точки зрения это не потерянные годы: увидел жизнь и с другой стороны, освободился от кривых очков, через которые смотрел на мир. Теперь-то я знал, что есть главное и что второстепенное.

Основные выводы, которыми решил руководствоваться, были ясно обозначены в моем сознании.

Первое. Самые драгоценные друзья, которые не бросили меня в тяжелую минуту – родные, а мать – просто святая для меня.

Второе. Никогда больше не оказаться снова рабом водки. Во всем аккуратность и трезвая голова. Самодисциплина.

Во что бы то ни стало, восстановиться в институте и окончить его. Этим доказать, что шесть с половиной лет лагеря не сломили меня.

Насчёт женщин решил: не буду больше гоняться за красавицами, найду какую-нибудь попроще, но, чтобы была моя и всегда под рукой.

Часто, особенно в первые годы, пытался представить, каким снова увижу наш сад, как постучу, и мать откроет мне дверь. Стихами не увлекался, и лишь одно стихотворение знал наизусть. Слова из него: «Я вернусь, когда раскинет ветви по-весеннему наш белый сад» – не однажды приходили на память. Вспоминал и солнечный апрельский день, когда ушёл из родительского дома, не зная, что в него уже не вернусь.

Я вернулся, но ни «белого сада», ни родительского дома уже не было. За эти годы наш старенький домик в Лосинке пошел на слом, родителям дали крошечную квартиру на девятом этаже двенадцатиэтажной башни в Свиблово.

Я приблизительно знал этот район. Назвал таксисту адрес. Оказалось, к дому подъехать невозможно: там прокладывали линию метро, и вся улица была перерыта. Расплатился, вышел из такси, посмотрел по сторонам. Вдруг слышу, кто-то выкрикивает мое имя каким-то неестественным надорванным голосом. Оглянулся. Через улицу, на балконе башни, стоит отец. Размахивая руками, кричит мне так, будто не слышу его, сейчас сяду в машину, уеду, и он уже никогда меня не увидит...

Через минуту я был уже в лифте. Всё с чем возвратился к старикам, было при мне – сатиновые брюки, аккордеон и сто рублей, заработанные честным трудом.

Отец обнимал меня и плакал. С матерью-то мы виделись, она приезжала на свидания, он же меня ни разу не видел за все эти годы. Ни в тот день, ни потом, я ни разу не почувствовал и тени упрёка или раздражения с их стороны за причинённую им боль. Они простили меня.

Почти неделю не выходил из дома и не звонил никому из друзей. Родители сразу же сказали, чтобы ни о чем не беспокоился и не искал работы, пока не приду в себя. Мать советовала полгода отдохнуть. Несколько раз мы устраивали застолье, и спиртное, имевшееся в доме, быстро кончилось.

Если память не изменяет, впервые вышел из дома в магазин. Был обеденный перерыв, и я попытался воспользоваться служебным входом. Там стояла женщина довольно странного вида. Почему-то подумал, она может помочь мне. Действительно, очень быстро и всего за рубль сверху, получил бутылку водки. Мгновенно, не задумываясь, сказал ей, что, если она так быстро решает все вопросы, может быть, устроит мне свидание с какой-нибудь девушкой.

Женщина могла ответить «нет», и моя судьба была бы иной. Но она показала на беседку во дворике и сказала, что, если мне не хватает одной до миллиона, завтра в час дня могу увидеть там эту девушку.

На следующий день, надев великоватый зелёный двубортный костюм, который купили мне родители, в назначенное время пришёл в беседку. По дороге заметил, что вокруг меня подобных костюмов никто не носит. Ко мне подошла симпатичная девушка и критически осмотрела меня. Мы договорились встретиться вечером.

Вечером же она заявила, что занята. Невольно подумал, мой зелёный костюм виноват.

– Если хочешь, познакомлю тебя с подругой, – предложила она. – Только надо купить вина и что-нибудь на ужин.

Первая встреча с Ольгой запечатлелась в памяти, будто я специально все запоминал, а потом еще и записал в дневнике.

С симпатичной девушкой мы подошли к большому дому, вошли во двор, который потом я исходил вдоль и поперек тысячу раз.

– А вот и Ольга, – сказала моя спутница, указав на... Что может сделать с женщиной одежда! Она может сделать её на полметра выше и наоборот. Это был как раз тот случай, когда наоборот.

Ольга показалась мне каким-то мальчиком, подростком. Никогда не обратил бы внимания на нее, как на женщину, но ноги мои уже вошли в подъезд и поднимали меня по лестнице.

Мы не растягивали удовольствие, и выпили две бутылки красного, как люди, испытывающие жажду, пьют минеральную воду. Сегодня, вспоминая тот вечер, будто смотрю фильм о самом себе.

Следующий кадр. Ольга свернулась калачиком и спит на диване – одном из трех предметов мебели, в её комнате. Раскрасневшаяся подруга смотрит на меня и спрашивает:

– С ней останешься или со мной пойдешь?

Помню, в тот момент посмотрел на Ольгу и подумал: «Наверно она и будет такой, какой я пожелал себе: моею и всегда под рукой».

Тридцать с половиной...

Перед всеми в долгу, и, прежде всего, перед самим собой. Как доказать родным, что чего-то стоишь? Как исправить ошибку – всю прошлую жизнь? Просто честно работать преподавателем музыкальной школы, как посоветовал отец? Но ведь в лагере уже разобрался, что такое честность. Я должен как можно быстрее стать на ноги, хоть чем-то помочь матери с отцом, рассчитаться с сестрой за всё, что она для меня сделала. Честным трудом этого не получится.

Еще в лагере созрело решение – не искать встреч с Женькой и Валентином. Ни тот, ни другой за эти годы не прислал письма, даже не передал привета через родителей. На Валентина обид не держал, я тоже не писал ему, когда он попал в беду. Да и все месяцы нашей дружбы можно по пальцам пересчитать.

Но Женька?! С ним же прошла моя юность.

Часто думал: «Окажись он на моем месте, не может быть такого, чтобы не написал ему, не попытался как-то помочь».

Телефон Володи помнил, позвонил ему на работу. Через час встретились там же, где увидел его впервые двенадцать лет назад. Чувствовал себя немного скованным, не зная, как он отнесется ко мне. Может, его жена будет против дружбы со мной? Кому нужен уголовник?

Володя в первую же минуту обнял меня, был счастлив встрече. Сразу же рассказал все новости. Петя вот уже шесть лет, как в Австралии, успел стать её гражданином. А вот Марику не повезло. Ему отказали в выезде. Пришлось уйти из НИИ, и теперь работает, где придётся. О своих же планах, понизив голос, он сказал:

– А я жду благоприятного момента. Как только начнут выпускать, сразу же подам документы на выезд.

Рассказал и о том, что уже несколько раз встречался с Дмитричем. Было это как раз в то время, когда сестра ждала обещанного приема по моему делу.

– Очень грамотный и приятный человек, – одобрительно кивнул Володя. – Ты знаешь, когда я его спросил, как помочь тебе, он подсказал хорошую идею. Надо заручиться ходатайством какого-нибудь большого человека и приложить это ходатайство ко всем характеристикам, которые возьмёт с собой мать на приём.

Вероятно, после того, как Володя прочел составленное Дмитричем письмо, он и пришел к выводу, что написал его очень грамотный человек.

И дальше Володя рассказал, как они воплотили в жизнь эту идею.

Его жена Муся в то время заведовала ателье при Союзе композиторов и хорошо знала личного секретаря самого Председателя. После доверительного разговора та предложила: «Пусть кто-нибудь напишет ходатайство, а я уж постараюсь, чтобы Тихон Николаевич Хренников его подписал».

Володя жил теперь в доме около станции метро Щербаковская. К моему удивлению – всего через дом от Ольги, с которой познакомился два дня назад.

Удивило и другое совпадение. Оказалось, он снимает дачу в подмосковном селе Троицкое, где и моя сестра. Мы договорились, в ближайшие же выходные дни отметить там мое возвращение. «Обязательно позову Дмитрича, – подумал я. – Вот будет воспоминаний!»

Буквально, через две-три недели стало ясно, что я вернулся в другую страну. Наверно, за все время существования человечества не было государства с таким количеством кривых зеркал. Утром звоню Володе на работу, секретарша говорит, что его еще нет. Звоню минут через пять, и тот же голос говорит, что его уже нет, он – в городской командировке. Он вовремя понял, что жизнь в России можно было правильно увидеть только в кривом зеркале. Самые ходовые и нужные товары – «дефицит» – приобретались в порядке очереди. О том, что она подошла, магазин извещал покупателя почтовой открыткой и приглашал явиться за покупкой. Так вот, открытки на покупку мебели появлялись в почтовом ящике Володи чаще, чем у иного москвича письма. Он ничего не покупал. Он всё доставал – бриллианты, хрусталь, меха, книги, колбасу «Сервелат» и даже билеты в театр. Как-то сказал, сколько заработал на перепродаже мебельного гарнитура, и я невольно подумал: «За такие деньги в музыкальной школе надо работать год».

Конечно же, встретился и с Юрой – «железным человеком», который когда-то устроил меня работать разъездным кассиром. Теперь он был не только заместителем начальника, но и партийным секретарём отдела снабжения, крупнейшего конструкторского бюро. Оно находилось как раз напротив Педагогического института, в котором я когда-то учился.

После обычных вопросов: «Ну как ты там? Что теперь собираешься делать?» – Я сказал, что, прежде всего, хочу восстановиться в институте.

– Считай, что уже восстановлен, – заверил он. – Их завхоз – мой человек, спирт у меня берет. Он оформит тебя дворником, и тебе просто не смогут отказать. Мести ты, конечно, не будешь, что-нибудь придумаем. А если это не поможет, пойду к самому ректору.

Через неделю в моей трудовой книжке появилась запись, что я зачислен дворником в Московский областной Педагогический институт имени Крупской. Пока длилось восстановление, я несколько раз приезжал в институт и, конечно же, заходил к Юре в отдел снабжения.

Он знал моего отца, и как-то он спросил про него. Я посетовал, что у отца очень маленькая пенсия. Юра тут же предложил для него легкую надомную работу – клеить конверты.

– Пусть завтра же приходит оформляться, – сказал он, будто уже получил согласие отца. – Работа часа на два в день, не больше. Раз в месяц будет привозить конверты, и получать 70 – 80 рублей в месяц к пенсии.

Незаметно для себя и я стал смотреть на то, что происходило вокруг через кривые зеркала.

В восемь часов утра меня будит телефонный звонок. Слышу в трубке бодрый голос Володи:

– Не знаю где точно, но именно сегодня по районам будет производиться запись в очередь на машины. Срочно езжай к райисполкому, может быть, тебе повезет, и ты узнаешь где это место. Я же пока обзвоню людей, желающих записаться.

Без особого энтузиазма встаю с постели. Скорее не потому, что поверил в эту затею, а потому что обещал Володе поехать. Он часто повторял: «Вдвоем – в четыре раза легче». И это не однажды подтверждалось.

Взял такси, подъехал к Бабушкинскому райисполкому. Внутри не вошел, остался в сторонке на улице наблюдать за обстановкой. Минут через двадцать из подъезда буквально вылетает мужчина, за ним еще несколько человек, они бросаются к стоящим невдалеке двум машинам. Немного поколебавшись, подбежал к ним, когда машины уже почти тронулись, и стал на их пути.

– Вы случайно не знаете, где сегодня будет запись на машины? – спросил я у первого же водителя.

– Ну и повезло тебе, парень, – ответил он. – Садись скорее в машину.

Минут через десять мы были на месте. По закону кривых зеркал оказалось, запись на автомобили проходила в булочной.

Я оказался сто пятнадцатым и записал еще нескольких человек. Тут же позвонил Володе, сказал, что мы попали в «яблочко». Он дал мне список еще из десяти фамилий.

Выстоять очередь оказалось нешуточным делом. На Бабушкинский район выделили всего около четырехсот машин, через час-полтора в списке числилось уже почти пятьсот человек. К вечеру было уже свыше тысячи. Каждые три-четыре часа устраивались переклички. Надо было предъявлять паспорт, и фамилия в списке должна была соответствовать. Отсутствующих тут же вычёркивали из списка. Вторая сотня контролировала первую, третья – вторую, и так далее. Хорошо, что Ольга жила поблизости, и по ночам мне удавалось два-три часа поспать. На второй или третий день таксисты из двух ближайших таксомоторных парков попытались создать новую очередь, и объявить недействительной нашу. Но сделать это оказалось не так-то просто. Ведь первые две сотни состояли почти исключительно из работников райисполкома, милиции и их родственников. Тут же появились милиционеры в форме и навели порядок.

Конечно не все, записанные нами, смогли выстоять эту очередь, но все же из четырехсот машин, нашей компании досталось восемь. Совсем неплохо, если учесть, что на перепродаже новеньких «Жигулей» можно было заработать четыре-пять тысяч рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.